КП80
Г63

КП
80
Г63

А. ГОЛЬЦМАН

ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА

ВСНХ
СССР

ЦЕНТРАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
ПЕЧАТИ И ПРОМЫШЛЕННОЙ ПРОПАГАНДЫ
1925 г.

Кузьмин

КП
80
Г63

А. ГОЛЬЦМАН.

331.87 (47)

ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА В СССР.

I. Социальная обстановка.

II. Союзы и производство.

III. Теоретические заметки.

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ
Инв № 50379/86

Центральное Управление Печати и Промпропаганды ВСНХ. — СССР.

Москва — 1925 г.

Главлит № 29845. Типогр. П.П.-П. В-ки ЦУП. ВСНХ. Тираж 10.0

От автора.

Предлагаемая брошюра составилась из статей, написанных преимущественно в 1924 году.

Это был год довольно трудного перелома в понимании партией задач рабочего класса в сфере восстановления народного хозяйства. Проблема производительности труда медленно вырастала из сложного клубка событий, ведущих свое начало от «ножниц» и приведших к массовой партийной кампании осени 1924 года.

Но события еще далеко не завершили своего цикла развития. Кампания за повышение производительности труда есть лишь один из этапов этого цикла и при том, именно, тот этап, который характеризуется превращением стихийного процесса в сознательно-регулируемый и направляемый господствующим в стране классом. Пониманию источников и перспектив этого процесса посвящена большая половина брошюры.

То, что еще в начале года казалось не только неверным, но и одиозным, стало к концу года азбучной истиной. К числу этих истин относится вопрос об интенсивности, вопрос о связи проблемы производительности труда с проблемой «смычки» и т. п. Поэтому читателя не должно удивлять, что, казалось бы, простые и ясные вещи пропагандируются в брошюре столь настойчиво. В то время, когда статьи писались, эти вещи вовсе не были очевидны для всех.

Автор придает значение историческому анализу событий. В частности, вопрос о сроках, поставленных нам историей, о стадиях в новой экономической политике, о связи проблемы интенсификации с капиталистическими элементами в социализме, о преодолении капитализма и о переходе интенсификации в организацию труда, достойны, по мнению автора, специального исследования. При разрешении всех этих вопросов, автор пытался отыскать социальные движущие силы, их взаимную связь и противоречия.

Что касается теоретических заметок по вопросам организации труда, то они помещены преимущественно для того, чтобы обратить внимание интересующихся на встающие в этой области вопросы. Конечно, не может быть и речи о претензиях на научную полноту исследования.

А. Г

Москва, октябрь 1924 г.

I. СОЦИАЛЬНАЯ ОБСТАНОВКА.

Сроки истории.

(Вместо введения).

Мы переживаем момент, когда страна диктатуры пролетариата окружена со всех сторон капиталистическими противниками. Сколько времени продлится период передышки и мирного строительства, нам неизвестно, но, во всяком случае, мы должны чувствовать себя в положении окруженного врагами военного лагеря. Страна должна быть ежечасно готова к мобилизации всех своих сил и к напряжению всей хозяйственной мощи.

Военное столкновение с противником и экономическое состязание может закончиться в нашу пользу лишь в том случае, если к тому моменту, когда это столкновение разразится, мы будем обладать достаточно организованным народным хозяйством и достаточно высокой производительностью труда. Стало быть, вся задача дня, именно *текущего дня,* состоит в том, чтобы суметь организовать народные производительные силы в тот короткий промежуток времени, который ставит нам история. Вся суть дела сводится *имѐнно к вопросу времени.*

Мы хорошо понимаем, что развитие производительных сил пойдет по пути механизации труда и электрификации страны. Несомненно, что чем дальше будет развиваться социалистическое строительство в нашей стране, тем больше будет вытесняться ручной труд механическим двигателем и инструментом, приводимым в движение машиной. Но это есть лишь далекая, оторванная от живой современной действительности, перспектива. На деле история делает зигзаги, и те соображения, которые верны в исторической перспективе, оказываются совершенно не применимыми для данного времени. Для завершения процессов пересоздания технической базы республики требуется слишком большой период времени.

Для того, чтобы мы могли экономически и в поле сражения состязаться с врагами, мы должны суметь организоваться в значительно более короткий промежуток. История ставит нам *короткий срок,* и тот, кто не сумеет учесть именно эту *проблему сроков,* кто не обладает достаточным *чутьем времени,* кто не понимает, что мы должны потерять в чем-либо ином, лишь бы выиг-

рать во времени, тот совершенно не понимает смысла клубка событий, развертывающихся на грани между капитализмом и социализмом.

Когда заключался Брестский мир и советские войска отступали под напором немцев, Ленин говорил: «Я хочу уступить пространство, чтобы выиграть время», — и это было правильно. Каждый день был тогда дорог. Если бы мы не выиграли 2—3 недель, мы не смогли бы эвакуировать Ленинград и потеряли бы многое,— может быть, потеряли бы все. Теперь история не ставит перед нами проблемы восстановления наших сил с такою остротою, как во время Брестского мира. Однако и теперь эти сроки не велики. История делает зигзаги на наших глазах, и если мы не сумеем совершить наши маневры именно *применительно к этим зигзагам,* тогда, конечно, мы многое потеряем.

Поэтому, мы не оспариваем всей правильности рассуждений относительно механизации, электрификации и проч. Правительство и народ прилагают сверхчеловеческие усилия, расходуют последние средства для того, чтобы провести, в возможно более полной мере, электрификацию страны. Однако, для того, чтобы выиграть во времени, мы должны использовать *наличные силы страны при данной технической и экономической обстановке.*

Вот почему мы ставим вопрос также и об *интенсивности,* или, что то же самое, вопрос о производительности *живого человеческого труда.*

Закон механики гласит: выигрывая во времени, теряешь в силе. Этот основной закон механики почти буквально применяется к современной механике общественных отношений в нашей стране. Для того, чтобы выиграть в сроке, суметь мобилизоваться в тот час, когда раздастся сигнал истории, нам нужно, не дожидаясь полной механизации труда и электрификации, полностью использовать силу живых людей, которые являются основой народного хозяйства и главным фактором экономического развития нашей страны. Рост общественно-полезной живой людской силы, уплотнение рабочего времени, превращение каждого элемента последнего в общественно-необходимое время связано само по себе, сложной цепью экономической зависимости, с усилением всех дальнейших моментов повышения производительности труда.

1. Экономическая характеристика момента.

Советская промышленность бьется в тисках. Она ищет потребителя. В настоящее время кажется уже азбучной истиной, что этим потребителем может явиться многомиллионное крестьянство. Тем не менее, поворот промышленности лицом к крестьянству, экономическая смычка между городом и деревней являются не только одной из наиболее трудных задач, поставленных революцией, но и совершенно новой задачей экономического развития страны.

Промышленность императорской России менее всего была рассчитана на обслуживание крестьянства. Главными потребителями ее продукции были, прямо или косвенно, военное ведомство и транспорт. В особенности выступает на первый план этот казенный характер русского потребителя, если мы обратимся к важнейшим отраслям нашей промышленности. Каменноугольная промышленность отдавала больше половины своей продукции транспорту и флоту. Металлическая промышленность, в особенности Ленинградская, работала непосредственно на военное ведомство, вырабатывая предметы военного снаряжения. Путиловский, Обуховский, Невский и другие заводы Ленинграда, крупнейшие Тульские заводы, далее Ижевский и Мотовилихинский заводы на Урале — были заводами, вырабатывавшими непосредственно предметы военного снаряжения. Другие гиганты металлообрабатывающей промышленности: Сормовский, Коломенский, Брянский, Харьковский и Луганский паровозостроительные заводы — обслуживали транспорт. Металлургические и передельные заводы юга России выплавляли металл, главным образом, для упомянутой уже группы металлообрабатывающих заводов и лишь в незначительной доле для промышленного потребления. Почти единственной отраслью металлической промышленности, работавшей на внутренний и «мирный» рынок, было производство кровельного железа Урала. Производство сельско-хозяйственных машин, столь важное для страны и имевшее, казалось бы, совершенно неисчерпаемые перспективы, было сконцентрировано на небольшой группе заводов: Люберецком, Аксай и друг. Продукция этих заводов составляла ничтожную величину в общей выработке металлургической и металлообрабатывающей промышленности. В то время как металлическая промышленность имела явно милитаристскую окраску, электротехническая промышленность могла быть охарактеризована, как промышленность маринистская: она обслуживала, главным образом, военный флот царской империи. Сбыт ее продукции на внутренний рынок был необычайно ничтожен и, во всяком случае, значительно уступал ее военным и, в особенности, морским поставкам.

Текстильная и кожевенная индустрии, несмотря на их, казалось бы, «мирный» характер, имели наиболее могущественного и постоянного заказчика в лице интендантства. Поставка сапог в армию достигала громадных размеров, а производство сукон имело едва ли не главным своим потребителем царскую армию. Спрос на кожевенные изделия был до того велик, что интендантству приходилось зачастую обращаться не только к большим кожевенным заводам, но даже и к кустарному промыслу. Так, например, довольно часто бывали заказы на поставку сапог кимрским кустарям.

В военное время этот милитаристский характер промышленности несомненно еще более усилился и для удовлетворения потребности русской армии были расширены цеха ряда металлических и иных заводов. Всем памятны, так называемые, снарядные цеха на паровозостроительных и других металлических заводах страны. С другой стороны, в виду недостаточности производства предметов снаряжения и обмундирования, правительство прибегало к заказам за-границей. В Россию поставлялись большие партии не только снарядов, пушек и прочего военного снаряжения, но и сапог, шинелей, солдатского белья и т. п.

Затем разразилась революция. После короткого периода гражданской войны, потребовавшего напряжения всех хозяйственных сил страны и вызвавшего дополнительный приток заказов на заводы советской промышленности, наступил период передышки. Потребность армии в снаряжении и обмундировании понизилась. Работа военных заводов входит в нормальную колею. Сокращение армии до минимальных пределов оставило без заказов даже такие заводы, которые в довоенное время работали преимущественно для ее обслуживания. В особенности пострадала группа Ленинградских заводов, приспособленных для обслуживания армии и оставшихся в настоящее время без потребителя. Далее, общее обнищание страны тяжело отразилось и на железнодорожном и водном транспорте. Сокращение обмена между различными районами республики вызвало и значительное уменьшение товарных перевозок. Таким образом, второй главный потребитель русской промышленности—транспорт—оказался также далеко не в таком положении, в каком он был до войны, и не мог предоставлять промышленности тех заказов, какие она от него получала в былое время.

Теперь промышленности нужно искать нового потребителя. Естественно, поскольку она не может мечтать о более или менее значительном вывозе своих изделий за-границу, ей приходится обращаться к внутреннему рынку. Внутренний рынок страны имеет громадные перспективы; сто миллионов крестьянского населения находится фактически на низшей стадии культуры, которая еще не знает современных приспособлений, облегчающих труд

и увеличивающих производительность земли. На-ряду с небольшими оазисами современного культурного использования плодородия земли, перед нами необ'ятное море старой земледельческой культуры, пользующейся техническими приемами обработки земли, отставшими не только от западно-европейских или американских методов, но даже от той стадии культуры, на которой находится российская промышленность [1]). Более того, сельско-хозяйственная действительность являет нам довольно распространенные очаги чуть ли не первобытной культуры с применением мотыги и самых элементарных приемов обработки земли. Не только механический двигатель не пробил себе широкой дороги в земледелии нашей страны, но даже, благодаря разрушительному влиянию последнего десятилетия, единственый универсальный двигатель крестьянского хозяйства—лошадь—сплошь и рядом выбывает из строя.

Может ли русское крестьянство явиться достаточно мощным потребителем для промышленности? Найдет ли сбыт городская индустрия своим изделиям в деревне, или же деревня окажется для нее слишком незначительным рынком? На этот вопрос приходится дать одновременно и отрицательный и положительный ответ.

Отвлекаясь от современного положения вещей, нужно признать, что земледелие страны является мощным рынком, удовлетворение которого не только покроет производительные способности городской индустрии, но вероятно в ближайшие десятилетия потребует ее расширения. В самом деле, перевести земледельческое хозяйство на высшую ступень культуры, механизировать обработку почвы, повысить ее плодородие посредством применения искусственного удобрения, произвести массовую перестройку крестьянских жилищ, электрификацию сельского промысла в

[1]) О том, насколько отсталы методы обработки земли в нашей республике, видно из следующих данных о сборе урожая в пораженных голодом районах на крестьянских нивах, с одной стороны и на опытных станциях, с другой стороны:

Собрано с десятины.

На крестьянских полях		На опытных станциях	
Самарский уезд.	10—15 пудов	Озимая рожь — 110 п. Озимая пшеница 80 п. Яровая пшеница 40 п.	Безенчукская оп. ст.
Саратовск. уезд.	5 пудов и ниже	Рожь . . . 50-60 п. Пшеница . . 40-45 п.	Саратовская оп. ст.
Поволжск. Нем. респ.	8 пудов и меньше	20-25 п.	Краснокутская оп. ст.
Ставропольская губ.	Озимая пшеница 30 пудов и ниже	90 п.	Опытное поле
Валуйск. у. Вор. губ.	13 пудов (озимая рожь)	55-60 п.	Бенделевск. опыт. поле

Эти данные заимствованы из доклада т. Рыкова Пленуму Ц.К.Р.К.П.(б). См. „Правда“ № 173 за 1924 г.

стране, насчитывающей до 100 миллионов крестьянского населения и не имеющих почти элементарных культурных условий существования и работы,—это, конечно, задача, для разрешения которой нам потребуется индустрия во много раз более мощная, нежели та, которой мы располагаем.

Это в общей перспективе.

Однако, в настоящий момент положение обстоит иначе. Крестьянское хозяйство разрушено чрезвычайно сильно. По подсчетам С. Струмилина, страна потеряла за период войны и революции до 21 милл. душ трудоспособного населения, что составляет 13,6% населения республики. Эта потеря в людской силе пала преимущественно на крестьян, как главных поставщиков военной силы. Между тем, наше земледельческое хозяйство базируется именно на людской силе; потеря последней есть самый главный ущерб производительности земледельческого хозяйства. Надо полагать, что убыль живой людской силы повлияла на крестьянское хозяйство страны гораздо больше, чем все прочие факторы, вызванные войной. Разрушение сельско-хозяйственного инвентаря сыграло точно так же не малую роль. Если же припомнить, что, в довершение ко всем этим событиям, богатейшая область земледельческого хозяйства была охвачена в 1921 г. голодом, потребовавшим напряжения сил всех остальных районов республики, то станет ясным, что сельское хозяйство в настоящее время переживает, действительно, тяжелое состояние.

По отношению к городской индустрии трудность положения сельского хозяйства играет роковую роль. Потребности земледелия в городской продукции необ'ятны, но покупательная способность крестьянского населения ничтожна. Этим противоречием решается судьба советской промышленности. Первый факт— потребность земледелия освещает путь промышленности, как отдаленная цель, но реально для настоящего времени недостижимая. Второй — сокращение покупательной способности населения сжимает в тисках обрабатывающую промышленность. В качестве реального фактора должно быть принято, что современные действительные потребности советского земледелия сужены до таких пределов, которые оказываются незначительными по сравнению с производительной мощью промышленности.

По этим причинам задача, о которой говорилось выше, т. е. завоевание крестьянского рынка, является, действительно, трудной проблемой. Эта задача трудна не только в экономическом отношении, но и в техническом. Промышленность должна заново перестроиться. От милитаристского характера ей нужно перейти к новым формам работы и приспособиться к новому крестьянскому потребителю. Она должна крестьянский рынок еще только создать, вызвать к жизни те потребности, которые в земледелии таятся, но не могут себя реально обнаружить.

Каковы же факторы, обусловливающие соединение промышленности и земледелия? Их всего два. Можно итти по пути восстановления сельского хозяйства и создания условий, при которых облегчается для крестьянского населения возможность накопления. Нам приходится как бы повторять знаменитый лозунг: «Обогащайтесь» по отношению к крестьянскому населению, придавая только своеобразные формы агентам обогащения посредством об'единения их в кооперативы, коммуны, совхозы и т. п. Это—первый путь. Второй путь заключается в массовом и максимальном удешевлении продукции городской промышленности. Оба пути преследуют одну и ту же цель разными способами; оба они содействуют восстановлению и расширению рынка сбыта для изделий городской индустрии; поэтому Советская власть и применяет одновременно оба способа.

Естественно, однако, что как увеличение покупательной способности крестьян, так и удешевление продукции городской промышленности имеют свои экономические пределы. Для увеличения покупательной мощи крестьянства создан Сельско-Хозяйственный Банк, оказываются различные льготы маломощным группам крестьян и пр. Это—длительный процесс подымания на высшую ступень материального благосостояния громадной массы населения необ'ятной страны. Метод этот играет колоссальную роль, ибо он возвращает к жизни,—и к жизни гораздо более интересной, нежели при царском режиме,—наиболее широкую и многочисленную массу населения республики. Однако, его действие является слишком медленным в сравнении с остротою вопроса о сбыте изделий городской промышленности. Способ второй — удешевление продукции дает более быстрый эффект. Он сразу же расширяет круг потребителей, захватывая те слои, которые при высоких ценах остаются за бортом и не могут реализовать своих недостаточных средств.

2. Сроки в проблеме увеличения продукции.

Итак, новая ориентировка государственной промышленности является основным вопросом экономической жизни в нашей республике. Переход от обслуживания обороны страны, железнодорожного и водного транспорта—к обслуживанию внутреннего и главным образом крестьянского рынка—основная задача нынешнего маневра промышленности. Средством для перехода к расширению спроса со стороны крестьянской массы является всемерное удешевление товаров промышленного производства. Эта задача до сего времени не была разрешена удовлетворительно. Справка Госплана показывает, что из полутора миллиардов зол. рублей, которыми оцениваются предметы массового потребления, выработанные крупной и мелкой промышленностью за операционный 1922—23

год, крестьянство имело возможность реализовать товаров на общую сумму всего в 700 миллионов зол. рублей. Остальные 800 миллионов зол. рублей были размещены среди городского населения.

Эта слабость потребления продуктов городской промышленности крестьянским населением усугубляется ненормальной диспропорциональностью роли крупной и мелкой промышленности в деле обслуживания внутреннего рынка. Нижеприводимая таблица покажет читателю, что мелкая промышленность на нынешней стадии развития обгоняет крупную, главным образом национализированную, промышленность в деле так называемой смычки с крестьянами [1]).

Название отраслей	Производ. пред. массового потреб. в 1922-23 г.	Потребление их	
		Городское	Сельское
Крупная промышленность	1.000	700	300
Мелкая „	500	100	400
Итого :	1.500 т. з. р.	800 т. з. р.	700 т. з. р.

Итак 46,6% всего производства предметов массового потребления поступило в деревню; вся остальная масса продукции осталась в городе. Кроме того, крупная промышленность, вырабатывающая предметы массового потребления, успела сбыть в деревню лишь 30% своей продукции, в то время как мелкая промышленность отправила туда 80% своего производства.

Само собой разумеется, что причины, по которым промышленность так слабо связана с деревней, имеют об'ективный характер. Дальнейшее удешевление цен городской промышленности находит свой экономический предел. В частности, этот предел определяется именно степенью загрузки предприятий, ибо всем известно, что чем слабее загрузка, тем, по необходимости, себестоимость изделий должна быть более высокой. Между тем загрузка промышленности в истекшем 1923 году не превышала по всем отраслям 38,9% своей валовой продукции за 1912 год. Таким образом, мы находимся как бы в порочном кругу: с одной стороны, для расширения рынка сбыта, а следовательно, и для увеличения нагрузки предприятий, требуется удешевление товаров, производимых городской индустрией; с другой стороны, удешевление этих цен мыслимо при условии дальнейшей нагрузки промышленных предприятий.

Каковы основные факторы удешевления продукции промышленности? Сюда относятся: а) увеличение нагрузки предприятий,

1) Заимствовано из брошюры Кактынь „Ножницы и новая экономическая политика“, стр. 78.

б) техническая реорганизация промышленности и, наконец, последняя — в) изменения в организации труда и управления в сторону увеличения производительности на основе наличных технических данных. Мы видели уже, что увеличение нагрузки предприятий само по себе является производной величиной. Оно зависит от расширения спроса, который в нашей стране определяется покупательною способностью многомиллионной крестьянской массы. Однако, наша задача ведь сводится именно к тому, чтобы расширить возможности спроса крестьянского населения. Искусственная нагрузка предприятий посредством специального финансирования государственной казной точно так же имеет свои экономические пределы. Она означает не что иное, как заимствование тех же крестьянских средств (главным образом, путем налогового обложения) для поддержки крупной промышленности. Но мы видели уже, что этот путь упирается опять-таки в материальную маломощность крестьянства.

Техническая реорганизация промышленности натыкается в нашей стране на парадоксальные противоречия. Отсталость российской техники представляет собой общеизвестный факт. Замена громадной массы приспособлений на фабриках и заводах представляется в высшей степени желательной. Однако, наша промышленность в данный момент страдает не от недостатка оборудования, а скорее от его излишка. И именно излишек технического оборудования крупной промышленности, «безработица» массы станков, механизмов, силовых установок и проч.—это и есть недогрузка предприятий, выступающая основной причиной вздорожания промышленных изделий. Это противоречие между технической отсталостью промышленности республики и излишком ее технической мощи для данного момента—главная характеристика нашей индустриальной нищеты.

Реорганизация промышленности на новых технических началах представляет собою гигантскую робинзонаду, которая может быть осуществлена исключительно посредством затраты многих миллиардов золотых рублей. План такой технической реорганизации всей промышленной жизни на новых началах имеется в наличии. Его создание и принятие представительными органами республики является величайшим памятником творческого энтузиазма, овладевшего народными массами почти на другой день после победы над своими классовыми врагами.

Мы говорим о плане электрификации республики. Его осуществление положит начало новой экономической жизни трудящихся масс,—действительный скачок из царства необходимости в царство свободы. Не удивительно, что этот план вызвал всеобщее воодушевление и, можно смело сказать, стал народным экономическим идеалом.

Но его проведение в жизнь рассчитано на длительный период и может протекать в ограниченных технических и экономических рамках. При самых благоприятных условиях мы не смогли бы его осуществить в течение времени более короткого, нежели этого требует строительная и производственная техника. Срок осуществления плана определяется десятилетием. Средства, которые для этого нужны, исчисляются в полтора—два миллиарда золотых рублей, которые необходимы для строительных работ и для производства соответствующих механизмов. Однако, для того, чтобы страна могла своевременно воспользоваться всей установленной мощностью выстраиваемых станций, для подготовки фабрик, заводов, сельских местностей и проч. к приемке тока потребуется сумма примерно в 15 миллиардов золотых рублей. Для сравнения напомним, что весь государственный бюджет царской России не превышал в последние годы 3,5 миллиардов рублей. Вся продукция народного хозяйства бывшей Российской Империи достигала, примерно, шести миллиардов золотых рублей.

Ясно, что требуемые суммы не могут быть собраны в короткий срок. Если же вспомнить, что реорганизация промышленности по последнему слову современной техники потребует не только перестройки производства на началах применения электрических двигателей, но и замены громадной массы обрабатывающих механизмов, то прийдешь к определенному выводу, что тут требуется такая гигантская сумма денег, которой безусловно не располагает наше правительство. Эти деньги должны быть еще накоплены трудом рабочих и крестьян. По мере того, как это накопление производится, происходит также реконструкция народного хозяйства на новом техническом базисе.

Тем не менее, и эта работа не остается без исполнения. План электрификации, принятый в общих чертах VIII-м С'ездом Советов, проводится Правительством и населением с необычайным упорством. По мере его проведения изменяется и технический облик нашего народного хозяйства. Оно приобретает более самодовлеющий характер, сближает крестьянскую массу с современной культурой города и предоставляет в его распоряжение материальные блага, создаваемые крупной промышленностью.

Но в настоящий момент, для того, чтобы разрешить практические вопросы удешевления продукции и расширения крестьянского спроса, недостаточно одного процесса механизации труда, проводимого на базе электрификации. Промышленность подошла к экономическому пределу, который должен быть превзойден в порядке боевой задачи, не ждущей отлагательства. Поэтому мы вынуждены подойти к третьему фактору удешевления продукции: к усовершенствованию системы организации труда и управления.

Парадоксально, что именно нищая страна, располагающая наиболее отсталой техникой производства и громадной массой резерва рабочей силы, вынуждена была подойти к этому вопросу и пытаться его разрешить, быть может, с еще большей настойчивостью, чем это делает страна, стоящая в авангарде капиталистического развития — Америка. Причины, определяющие это совпадение в методике развития народного хозяйства, конечно диаметрально противоположны. Капитализм подошел к той фазе развития, когда начали исчерпываться его творческие возможности в области прогресса современной техники. Научная организация труда в свете капиталистического подхода означает переход к усовершенствованию приемов использования рабочей силы, в противовес усовершенствованиям технической базы производства. Организация труда в Советской стране есть путь, по которому мы придем к культурному перевоспитанию нашей рабочей массы в отношении производственного процесса. Экономически же наша работа в области организации труда представляет собою тот способ, посредством которого должно быть произведено, в наиболее быстрый срок, накопление средств для дальнейшей механизации труда.

Нужно ответить здесь еще на вопрос, который иногда смущает работников профессиональных союзов и партии при обсуждении проблемы организации труда. Если в нашей стране при современных условиях организация труда представляет собой усовершенствование производственного процесса на основе наличных технических данных, то не ударяемся ли мы в крайности, ведущие к чрезмерной интенсификации, к истощению и вымиранию рабочего класса?

Само собою разумеется, что наличная техническая база промышленности отнюдь не представляет собою постоянной величины. Изменения и улучшения в области техники представляют собою в нашей стране беспрерывный процесс. Мы уже упоминали об упорном осуществлении плана электрификации, проводящемся населением и Правительством. Каждая новая электрическая станция означает и новую более высокую ступень использования промышленного труда и, в частности, его механизацию. Оба процесса: процесс механизации труда на основе технической реконструкции и усовершенствование форм использования труда—идут параллельно друг другу. Они оказывают громадное влияние друг на друга. Каждая новая ступень, достигнутая в области механизации труда, ставит перед нами новые технические условия, заставляющие изменять формы управления производством и организации труда в предприятии. И обратно—любое достижение в области организации

труда и удешевления аппарата управления открывает новые экономические возможности, предоставляет в распоряжение населения и Правительства новые рессурсы для электрификации и других форм механизации труда. В основе обоих процессов лежит народный труд, рабочие усилия многомиллионной крестьянской и фабрично-заводской массы, создающей своими напряжениями более высокую техническую и трудовую культуру.

Сказанного достаточно для того, чтобы выяснить дальнейшие стороны вопроса. Речь идет не об интенсификации труда в смысле увеличения физического напряжения, отдаваемого работником в процессе труда. Наш рабочий класс вышел из недр крестьянства, материальная культура которого слишком сильно отстала от индустриальной техники не только капиталистического Запада, но и нашей городской промышленности. Трудовая культура крестьянства, а с нею и традиции трудовых приемов вышедшей из крестьянства рабочей массы, основаны на низком уровне техники сельского хозяйства. Вследствие этого, русский рабочий утомляется при фабрично-заводском труде не только в силу необходимости, продиктованной трудовым процессом, но в значительной мере в силу несоответствия его трудовых движений технике современного производства. Перед нами пример трудовых пережитков, переходящих от поколения к поколению и налегающих со всею силою инерции на новые поколения фабрично-заводского пролетариата.

В силу этого, при одной и той же сумме отданной энергии, культурный рабочий западно-европейской промышленности, прошедший долголетнюю школу производства и являющийся как бы венцом предыдущих промышленных поколений, дает большую продуктивность труда, нежели его русский собрат. Речь идет, конечно, о равных технических условиях работы.

При затрате труда мы имеем перед собою не только энергию, поступающую для производственного процесса, но и энергию, теряющуюся даром. Как в машинах, произведенных рукою человека, имеются налицо значительные потери энергии и лишь незначительный коэффициент полезного использования силы, называющейся ее производительностью, так и в человеческом организме масса энергии погибает зря, теряясь в пространстве. Наша задача сводится к тому, чтобы повысить коэффициент полезного применения человеческой силы в трудовом процессе при общей норме ее напряженности. Поэтому, разумеется, не может быть и речи о какой-либо сверх'естественной «интенсификации» человеческих сил, преследуемой, якобы, научной организацией труда. Все упреки такого рода основаны на грубом невежестве, на непонимании простых основ механики и неумении различить производительность человеческой машины от ее интенсивности.

До сих пор мы говорили об удешевлении продукции и организации труда в промышленности под углом зрения расширения рынка сбыта и согласования интересов городской индустрии с крестьянством страны. Теперь желательно было бы выяснить этот вопрос также и с точки зрения промышленного пролетариата. Само собою ясно, что уже одно лишь удешевление продукции влечет за собою повышение нагрузки предприятий, связанное с уменьшением безработицы и увеличением заработной платы. Но короткая справка показывает, что промышленный пролетариат имеет и прямой интерес в проведении экономической «смычки» между городом и деревней в наиболее быстрый срок.

Заработная плата промышленных рабочих в стране еще не достигла того уровня, который мы могли бы считать минимально необходимым для рабочего класса. По всей стране в 1923 году она не превышала 55,1% заработков промышленных рабочих в 1912 году. Однако, и заработок упомянутого года никак не может быть принят нами, как идеал, ибо все прекрасно понимают, что эксплоатация рабочих при царизме была образцом худших времен пролетариата. Тем не менее дальнейшее повышение заработной платы встретило свои экономические препятствия и дошло до предела. Уже в течение последнего полугодия 1923 года заработная плата как бы стабилизовалась и, во всяком случае, ее рост в значительной мере замедлился. Чтобы об'яснить себе причины замедления роста заработной платы и затруднения, встречаемые ею при своем повышении, достаточно вспомнить приведенную уже выше цифру о загрузке промышленных предприятий республики.

Основными классами нашей страны являются пролетариат и крестьянство. Их взаимоотношения имеют характер теснейшего политического и экономического союза. Крестьянство поддерживает революцию всеми силами — как поставкой людского материала, так и материальными средствами. Ленин много раз указывал на то, что первый период нашей революции характеризуется длительными заимствованиями у крестьянства, которые должны будут иметь место до тех пор, покуда городская промышленность встанет на ноги и сможет развиваться собственными силами. Дальнейшее увеличение заработной платы промышленного пролетариата при наличии приведенной выше слабой нагрузки предприятия означает собою новые и новые заимствования материальных средств у крестьянства для оплаты труда промышленных рабочих. Крестьянство на эти жертвы шло до тех пор, покуда оно имело минимальные экономические возможности. Но опыт с «ножницами» показывает, что страна достигла предела в этих заимство-

ваниях у крестьянской массы. Крестьянство больше не в состоянии отдавать свои рессурсы для поддержания промышленности в такой степени, как это имело место до сих пор. Оно реагировало бессознательной политикой отчаяния—катастрофическим падением цен на сельско-хозяйственные продукты. Всем известно, что перед лицом этой экономической катастрофы заводская индустрия нашла себя вынужденной пойти путем невероятных усилий на снижение цен на промышленные изделия.

Невозможно, однако, проводить и политику снижения заработной платы. Не говоря уже о том, что такое снижение приводит к физическому вымиранию промышленного пролетариата и, следовательно, к уничтожению основы диктатуры трудящихся масс, понижение заработной платы находит непреодолимые препятствия в экономическом процессе нашей страны. Когда, в период военного коммунизма, заработная плата спустилась до крайнего предела, промышленность реагировала на это таким падением производительности труда и продуктивности фабрик и заводов, которое фактически означало почти полное уничтожение нашей индустрии. По невыясненным еще пока законам физиологии падение производительности труда обгоняет собою понижение потребления. Приводимая ниже справка иллюстрирует это с особою наглядностью.

Индексы годового заработка, выработки на 1 работника и валовой продукции в %% к 1912 году.

Годы.	1912	1920	1921	1922	1923
1. Заработок.	100	38,8	40,2	47,8	55,1
2. Валовая продукция промышленности	100	16,0	19,0	25,2	38,9
3. Выработка на одного работника .	100	24,2	27,4	47,5	55,0

Эти цифры необычайно показательны. Из них видно, что, при понижении заработной платы ниже известного предела, производительность труда опережает в своей прогрессивности падения заработок рабочих. Когда заработок составлял несколько менее 39% к 1912 году, валовая продукция скатилась до 16%, а производительность труда—до 24%.

Но этот же ряд цифр показывает и иное. Он выясняет, что как только заработная плата начинает приподыматься над необходимым, позволительно будет сказать—естественным, минимумом средств к существованию, производительность труда начинает делать гигантские скачки, опережая собою рост заработка. Повы-

димому, здесь играет колоссальную роль неисчерпаемая приспособляемость человеческого организма к обстановке времени и места, при чем эта приспособляемость вступает в свои права немедленно после того, как организм выходит за пределы питания, ниже которого он не в состоянии дать производственного эффекта. В самом деле, заработная плата поднялась чуть-чуть более, нежели в 1½ раза, а валовая продукция промышленности выросла за тот же период почти в 2½ раза.

Теперь судьба заработной платы оказалась связанной с судьбою промышленности. Дальнейший рост ее может быть произведен только как следствие увеличения продукции производства. Промышленность, вставшая на ноги благодаря заимствованиям у крестьянской массы, должна теперь продолжать путь своего развития и усовершенствования собственным путем.

Первый цикл новой экономической политики завершился и на грани его оказались как раз «ножницы», сигнализировавшие о том, что крестьянство дольше не может оказывать значительной поддержки промышленности из своих средств. Мы стоим у начала нового периода экономической жизни страны, периода, представляющего собою более высокую ступень в хозяйственной жизни, но накладывающего вместе с тем большие обязательства на наш промышленный пролетариат. Эта новая ступень, характеризующаяся ростом народно-хозяйственных богатств, по иронии судьбы началась диалектическим противоречием предыдущего периода НЭП'а, противоречием, разорвавшим оболочку производственной жизни и насильственно выведшим взаимоотношения города и деревни на новый путь.

3. Социальные элементы организации труда.

1. Рабочий класс и крестьянство.

К 7-й годовщине революции работа по организации труда в промышленности все более выявляет свои специфические для Союза Советских Республик общественные формы. В то время как в Западной Европе и Америке эта работа и, в общей формулировке, все НОТ'овское движение захватывает отдельные группы фабрикантов, стремящихся использовать успехи науки для взаимной конкурентной борьбы,—у нас проблема организации труда выявляется как проблема класса, победившего в политической борьбе и руководящего судьбами производства.

В особенности теперь, в течение последнего года, вопросы организации труда стали в самом буквальном смысле слова классовой проблемой, ибо в них отражается с наибольшей отчетливостью все диалектическое своеобразие того положения, в котором находится рабочий класс в единственной стране диктатуры проле-

тариата. Мы считаем, что новая фаза, в которую вступило развитие проблемы производительности труда, начинается с осени 1923 года, когда выявились с наибольшей отчетливостью «ножницы», т. е. расхождение цен на предметы сельско-хозяйственного и промышленного производства. Мы указывали выше, что «ножницы» открывают собою вторую стадию новой экономической политики, характеризующуюся изменением взаимоотношений между рабочим классом и крестьянством. В короткой формулировке, эти новые взаимоотношения сводятся к тому, что окрепшее сельское хозяйство и вместе с ним крестьянство пред'являют спрос на большее количество промышленных изделий, нежели это имело место до периода «ножниц», и резонно требуют, чтобы эти промышленные изделия отпускались им по удешевленным ценам.

Для нынешнего времени проблема расхождения цен на сельско-хозяйственные продукты и продукты городской промышленности не является еще изжитой. Крестьяне продают пуд ржи за 70—80 коп., в то время как средний коэффициент вздорожания промышленных изделий по сравнению с довоенными ценами составляет 1,83. Таким образом, несмотря на повышение хлебных цен, крестьяне находятся все же в невыгодном положении по сравнению с городской обрабатывающей промышленностью.

Партия и Советская власть учли все те опасности, которые таили в себе «ножницы», и приступили с лихорадочной поспешностью к понижению отпускных цен на промышленные изделия. Оглядываясь назад, мы можем сказать, что понижение, которое имело место в течение последних 10—11 месяцев, шло почти исключительно по линии сокращения различных организационных, торговых, правленских и прочих накладных расходов. В общем мы рационализировали и экономили средства в сфере обращения и за счет этой экономии достигли довольно внушительного понижения цен на промышленные товары.

Теперь выясняется, что на этом достигнутом снижении нет возможности остановиться. Напор сельского хозяйства еще слишком велик. Для распространения промышленных изделий на крестьянском рынке требуется дальнейшее понижение цен.

Эта задача нового понижения цен есть, в сущности, не только техническая и производственная, а экономическая, или, если угодно,— политическая проблема. В ней выкристаллизовались с полной ясностью современные взаимоотношения между рабочим классом и крестьянством. Теперь уже общепризнанный факт,— что понижение цен оказалось актом политической важности и, в частности, актом разрешения задачи смычки. Но теперь можно сказать, что эта проблема есть не только внутри-политическая проблема взаимоотношений рабочего класса и крестьянства, но более того, это — проблема международного характера. На первый

взгляд это кажется парадоксальным, но в действительности в этом нет решительно ничего замысловатого.

Признания Советской власти рядом иностранных государств, принесенные 24-м годом, открывают новую страницу во взаимоотношениях между рабочим классом Союза Республик и крестьянством. Всем известно, что эти признания влекут за собою и имеют целью восстановление экономических сношений и в первую голову торговые связи между нашей республикой и иностранными державами. С нами хотят торговать. — Но что это значит, когда мы говорим: хотят торговать «с нами»; — кого под этим нужно понимать? Ясно, что иностранные капиталисты, имея в виду завоевание русского рынка, целятся в первую голову на непочатую почву крестьянского потребления.

Иностранные капиталисты хотят ввозить к нам товары. Вся многосторонняя практика концессионных переговоров в самых разнообразных отраслях промышленности с очевидностью вскрывает ту инертность, какая встречается у иностранцев тогда, когда речь заходит о вложении иностранных капиталов в советское производство, или об открытии в республике концессионных предприятий. Оно и понятно: безработица в Западной Европе заставляет европейских капиталистов экспортировать товары, а не экспортировать финансы. В этом отношении мы переживаем несколько своеобразный период, характерный для послевоенной Европы, которая, в отличие от довоенной Европы, перестала быть конгломератом государств, экспортирующих капиталы.

Но стремясь к ввозу в нашу республику товаров, иностранные фирмы не заботятся о том, производятся ли в нашей стране аналогичные товары. Ими руководят соображения максимального сбыта, независимо от того, как повлияет этот сбыт на русскую промышленность. Этим создается громадная угроза для советской промышленности, опасность ожесточенной конкуренции с иностранными товарами и, вместе с тем, с иностранной техникой. Разумеется, все трудности этой конкуренции молодой советской промышленности, опирающейся на отсталую технику, с так называемым «бросовым» товаром, дешевкой, являющейся продуктом мощной заграничной индустрии, ищущей сбыта товаров и не останавливающейся перед самыми льготными условиями кредитования, — не требуют специальных об'яснений.

Но положение осложняется тем, что иностранные товары находят себе союзника внутри нашей республики. Этим союзником является потребитель, который страдает от высоких цен и от системы оплаты товаров наличными. Он тянется к дешевому, зачастую доброкачественному, и, во всяком случае, зарекомендовавшему себя заграничному товару.

Кто таков этот потребитель? —

Это русское крестьянство.

Так создается немая коалиция между иностранными капиталистами и русским крестьянством, коалиция, которая несет временные выгоды крестьянину, как потребителю, но в конечном счете означает его политическое и экономическое закабаление Западной Европе.

Конечно, Советская власть располагает средствами борьбы с преувеличенным ввозом заграничного товара. Этим средством является таможенная политика: запретительные пошлины, контингентные списки разрешенных и запрещенных к ввозу товаров и пр. Все это—меры внеэкономического характера и внеэкономического принуждения. В известный период они могут сыграть свою роль и должны быть применены, но мы не можем рассчитывать на них, как на исключительное средство спасения.

Выход нужно искать в другой сфере, в сфере восстановления боеспособности советской промышленности, в приведении ее в порядок и в подготовке к конкурентной борьбе с заграничным товаром.

2. Производительность и интенсивность.

Такова международная ситуация, складывающаяся вокруг вопроса о взаимоотношениях рабочего класса и крестьянства во 2-й стадии НЭП'а, и, в частности, вокруг вопроса об увеличении продукции промышленности и понижении ее отпускных цен. Проблема производительности труда, поставленная во весь рост летом 1924 года партией, ведет свое начало, как было упомянуто выше, от периода «ножниц». Мы не ошибемся, если скажем, что сперва стихийно, а потом и сознательно *вся вторая стадия НЭП'а проходит под лозунгом производительности труда, в то время как первая стадия* (от момента провозглашения НЭП'а до «ножниц») *проходила под девизом роста заработной платы.* Но и лозунг производительности труда есть лозунг рабочий, а не антипролетарский. Его ставит сам рабочий класс, который сознает все противоречие своего положения между иностранным капиталом и русским крестьянством.

После десятимесячной борьбы за снижение оптовых цен, борьбы, которая представляла собою прелюдию к общей кампании за повышение продуктивности промышленности, пролетариат находит себя вынужденным искать дальнейшие методы увеличения сбыта крестьянству, уже не в сфере обмена, но в сфере производства. Цены, установленные ВСНХ и Комвнуторгом для целого ряда важнейших трестов, показывают, что эти тресты работают с самой минимальной прибылью, не превышающей 10—15%. Конечно, при такой ничтожной прибыли каждая случайность сбыта, каждое колебание на рынке ставит под угрозу самое существование предприятия. Поэтому дальнейшее укрепление промышлен-

ности возможно путем понижения цен производства, т. е. заводской себестоимости товаров.

Понижение заводской себестоимости товаров и повышение производительности труда —это два выражения одного и того же процесса. Но в то время как для крестьян этот процесс виден с точки зрения изменения цен,—для рабочего, как для суб'екта производства, как для носителя рабочей силы, он виден с точки зрения производительности труда. Поэтому, когда вопрос об увеличении сбыта промышленных товаров крестьянам стал в такой плоскости, что его разрешение могло быть найдено лишь в сфере производства, рабочий клáсс провозгласил лозунг: «повышение производительности труда», — лозунг, который понятен крестьянам лишь как понижение отпускных цен.

Споры о том, должно ли быть произведено повышение производительности труда путем интенсификации рабочей силы, или же—улучшения организации производства, — был назван тов. Сарабьяновым «метафизическим спором» — и это правильно, хотя и не совсем. Мы увидим в дальнейшем, какой об'ективный смысл имеет противопоставление интенсификации труда — организации производства при нынешней социальной обстановке. Пока же мы скажем, что несомненно нам приходится ездить на двух конях: на улучшении производства и на интенсификации труда. Раз увеличение производительности труда имеет тот смысл классовых взаимоотношений, какой был указан выше, то оно приобретает характер диалектического противоречия. Но известно, что все диалектические противоречия в общественном процессе связаны с проблемой времени. Они требуют разрешения в короткий срок. Так и вопрос об увеличении отпуска крестьянам дешевых продуктов советской промышленности связан со сроком и мы видели, какими движущими силами эти сроки обусловливаются. Промышленность находится между молотом предложения иностранных товаров и наковальней крестьянского спроса. Нужно спешить дать ответ до того момента, как удар будет иметь место, т. е. до того момента, как станет возможным упомянутая выше противоестественная коалиция между иностранным капиталом—продавцом и русским крестьянином—потребителем. В таких условиях нельзя спорить о том—повышать ли производительность труда организацией производства или интенсификацией рабочей силы. Оба средства хороши на своем месте и в свое время. И, быть может, в силу бедности страны, нам приходится делать во многих случаях больший нажим на интенсификацию труда, нежели на дорогостоящую механизацию производства и, вообще, новый метод его организации.

Но этот вопрос имеет и свою оборотную сторону. Мы должны провести классовый анализ проблемы организации труда в совре-

менной обстановке до конца. Когда мы говорили об интенсификации труда, мы не могли не признать того, что рабочий класс находит себя вынужденным ее проводить в той противоречивой обстановке, в которой он находится.

Организация производства и рационализация его есть проблема увеличения производительности труда безотносительно к тому, каковы, в данный момент, взаимоотношения существующих в стране классов. Рост производительности труда есть необходимое условие, материальная основа всякого развивающегося человеческого общества, будь то общество первобытного коммунизма, феодального или буржуазного строя, или же общество диктатуры пролетариата. Оно не имеет отношения к классовым взаимоотношениям, хотя и выливается, зачастую, в известные формы классовой борьбы или коалиции. Но интенсификация труда в современном периоде и в тех общественных условиях, которые были обрисованы выше, представляет собою момент принуждения, вызванный к жизни взаимоотношениями рабочего класса с мелко-буржуазным большинством потребительского населения, с одной стороны, и буржуазной промышленностью Западной Европы и Америки—с другой стороны. Интенсификация труда связана с НЭП'ом, именно со второй стадией НЭП'а, с ростом потребностей мелко-буржуазного населения

Следовательно, мы могли бы выразиться и так, что интенсификация труда—это дитя НЭП'а, конечно исключительно в тех своеобразных общественных условиях, какие мы сейчас переживаем. Но ведь НЭП, это—капитализм. Это капитализм, развивающийся при диктатуре пролетариата, т. е. в социалистическом режиме. Итак, интенсификация труда выступает как девиз капитализма, как давление его на пролетариат.

Само собою разумеется, что мы ни в коем случае не хотим этим сказать, что лозунг интенсификации труда должен быть отвергнут. Как раз наоборот, если мы хотим быть диалектиками, т. е. если мы хотим не только понять, но и овладеть действительностью, то мы должны учитывать не только проблему повышения производительности труда социалистического общества, но и то своеобразие, с каким эта проблема ставится в специфической обстановке взаимоотношений пролетариата с крестьянством и западно-европейским капиталом. Мы упомянули об этом социальном значении лозунга интенсификации труда для того, чтобы, с одной стороны, сделать его более осознанным, а с другой—взглянуть на перспективу дальнейшего развития проблемы организации труда в нашей стране.

На-ряду с интенсификацией труда: сокращением прогулов, уплотнением рабочего времени, переквалификацией рабочих и приспособлением их к повышенной выработке в данных техниче-

ских условиях и проч., на сцену выступает также процесс рационализации производства и механизации труда. Было бы ошибкой предполагать, что оба эти процесса происходят последовательно во времени. Если по отношению к росту всего производства в целом это, может быть, и имеет место, то только в том смысле, что первыми шагами в области организации советской промышленности должна быть борьба с теми элементарными недостатками, которые только что были упомянуты. Но в то время, как одно предприятие проводит мероприятия интенсификации труда, второе может оказаться уже преодолевшим этот первичный этап и приступить к новым мерам повышения производительности, связанным с рационализацией производства. Иногда даже в одном предприятии проводятся одновременно меры по интенсификации труда на-ряду с механизацией и рационализацией производства.

Параллельность этих процессов и даже их одновременность не должны скрывать перед нами различия в их социальном значении. Несмотря на их будничную пестроту и переплетающуюся последовательность, мы все же должны признать, что одно из них является порождением капитализма, т. е. НЭП'а, и вызывается своеобразием положения рабочего класса, а второе—означает, в сущности, преодоления НЭП'а и несет с собою ростки технической базы социализма, который мы всегда признавали, как царство наиболее механизированного и наилучше организованного производства.

3. Движущие силы организации труда.

Легче, однако, теоретически разложить причины повышения производительности труда на интенсификацию и организацию производства, нежели их отличить на практике. Сказать наверняка, в какой именно момент предприятие завершит свои работы по интенсификации труда и может спокойно перейти к рационализации производства, — чрезвычайно трудно. Более того, самый рост интенсификации труда, достигая своего предела, незаметно переходит в новые формы его организации. Количество переходит в качество, — и далеко не всегда можно указать, где и в какой форме этот переход совершается.

Нам важно проследить те движущие силы, которые определяют на самом предприятии линию интенсификации труда и организации производства. Будем различать три группы, активно участвующие в организации советской промышленности. Первая группа, это — несомненно административно-технический персонал предприятия или треста во главе с красным директором. Эта группа находится в самом котле новой экономической политики, теснее всех соприкасается с элементами капитализма, действующими при диктатуре пролетариата. На их плечи ложится вся

забота практического преодоления и, с другой стороны, приспособление к НЭП'у. Им необходимо заботиться о срочных платежах, выкупах, торговых поставках, закупках и проч. и проч. Они больше, чем кто-либо иной, живут в сфере тех экономических отношений, которые даны новой экономической политикой. И так как на них давит рынок, то больше, чем кто-либо иной, они чувствуют требования времени в деле увеличения продуктивности предприятия. Им нужно повысить производительность труда не только абстрактно, но и в короткий, данный НЭП'ом, срок. Поэтому можно наперед сказать, что больше, чем многие другие, они склонны к применению методов интенсификации труда.

Этим мы не хотим сказать решительно ничего худого об этой группе борющихся за восстановление советского хозяйства товарищей. Как раз наоборот, это—основная колонна, которая выносит на своих плечах производство и разрешает задачу овладения действительностью, о которой было выше упомянуто. Мы не будем закрывать глаз, однако, на то, что они со своей стороны передают на предприятия требования времени и делают нажим на интенсификацию труда.

В другом положении находятся высшие руководящие органы хозяйственной жизни страны. Они признают НЭП, но их счастливая особенность состоит в том, что они могут также им руководить. Если капитализм в лице НЭП'а находится в подчинении у социализма, то орудия, посредством которых проводится власть социализма, — есть высшие хозяйственные органы. Поэтому у них больше, чем у красных директоров, или, вообще, административно-технического персонала предприятий, наблюдается тенденция проведения, на-ряду с интенсификацией труда, также и механизации производства. Высшие хозяйственные органы имеют перед собою более отдаленную перспективу, нежели те злободневные заботы, которые стоят перед руководящим персоналом предприятий. Эти отдаленные перспективы есть перспективы преодоления НЭП'а, уничтожение элементов капитализма и создание технической базы для социалистического общества.

В этом противоречии между высшими руководящими органами страны и брошенными в огонь НЭП'а руководителями предприятий нет ничего угрожающего для советского общества, ибо оно, в конце концов, выражает собою лишь два элемента диалектического единства. Директор, повседневно борясь с НЭП и приемля ее, а иной раз даже подчиняясь ее влиянию, фактически ее преодолевает и создает базу для деятельности высших хозяйственных и профессиональных органов социалистического общества.

Но обладая внутренним единством, эти противоречия заставляют зачастую сталкиваться мероприятия высших хозорганов и руководителей предприятий и эти столкновения могут происхо-

дить именно тогда, когда для предприятия настает час для перехода к механизации производства или к новым формам его организации. Как известно, этот переход связан часто с большими расходами, которые трудно совершить при современной бедности предприятий и при том громадном давлении, которое производит рынок на жизнь завода.

Союзником высших хозяйственных органов страны является в данном случае третий элемент производства—рабочая масса. Она тоже только приемлет НЭП, но живет стремлением к его преодолению. Мы знаем, как трудно было для рабочей массы переходить к НЭП'у от военного коммунизма, несмотря на отчаяние голодного существования в период последнего. Это отвращение к НЭП'у, к торгашеству, к купле и продаже рабочая масса пронесла с собою через все четыре года новой экономической политики. Соглашаясь вполне с системой государственного капитализма, как с необходимостью, она все же ищет путей для преодоления ее. Поэтому она является верным союзником высших хозяйственных органов в их борьбе за механизацию производства, за переход от интенсификации труда к его рационализации.

Таким образом, создается блок между властью и рабочей массой. Блок, направленный против НЭП'а, хотя признающий ее, но борющийся с ней. Этот блок, в особенности в лице рабочей массы, оказывает постоянное давление на директоров предприятий, иной раз придирчиво и не совсем умело заставляя совершать переход к рационализации труда. Давление рабочей массы это— одна из тех сил, которые определяют равнодействующую в современном развитии организацию труда в промышленности. Вторая сила это—НЭП с интенсификацией. Мы можем тут же сказать, что на нынешней стадии развития самодеятельности рабочей массы формой такого воздействия ее на директоров является производственное совещание, которое недостаточно еще оценено, но сыграет одну из решающих ролей в деле развития советского производства. Быть может, в будущем, на следующей стадии нашего развития, эта рабочая самодеятельность выльется в какую-либо иную форму — сейчас это рано предугадывать,— но в данный период производственные совещания, несмотря на все свои подчас неуклюжие и уродливые вырождения, выражают стремление рабочей массы к овладению производством и к его улучшению.

Таковы основные моменты современного положения проблемы организации труда в советской промышленности. Мы видим, что эта проблема приняла классовый, а по отношению к промышленности реформаторский характер. Мы видели, что, вследствие этого, мероприятия по организации труда имеют массовый масштаб, не только в том смысле, что применяются во многих предприятиях, но также и в том смысле, что движущими силами ее развития являются

широкие рабочие и крестьянские массы. Этот масштаб, невиданный для капиталистического мира, закладывает новый фундамент для постоянного технического совершенствования промышленности и для применения в этой промышленности научного анализа организационных форм.

4. НОТ в современности.

Вторая Всесоюзная Конференция по научной организации труда дала довольно ценные итоги и раскрыла перспективы дальнейшей работы. Деятельность по организации труда в нашей стране имеет своеобразный причудливый характер, всецело впрочем об'ясняющийся своеобразием экономического уклада республики. Отношение рабочего класса к попыткам капиталистических инженеров к введению усовершенствованных форм организации производства, радикально отличается от постановки этой же задачи в наших условиях. Теория и практика рабочего движения в капиталистических странах выковала резко отрицательное отношение к тейлоризму. Теоретические соображения, оставшиеся нам в наследство по этому вопросу, как бы тянут нас назад, заставляя относиться враждебно к попыткам повышения интенсивности и производительности труда.

Поскольку вопрос о рабочем времени, заработной плате и организации труда разрабатывался теоретиками рабочего класса в капиталистических условиях, он ставился в форме защиты рабочего от чрезмерной эксплоатации и извлечения из его труда повышенной прибавочной стоимости. Дело всегда представлялось в таком виде, что, при переходе от капиталистического хозяйства к социалистическому, экономика последнего будет построена на принципах универсальной механизации труда, являющейся выводом из всего развития капиталистической техники.

Переживаемый момент, конечно, отличается как от капиталистического хозяйства, так и от оформленной социалистической экономики. Учесть все своеобразие переходного момента представляет собою наибольшие трудности в деле разрешения задачи организации труда. По продолжительности этот переходный момент от капитализма к социализму представляет собой незначительный исторический эпизод. Однако, для нас, современников, этот эпизод встает во всей своей реальности. Общие теоретические посылки, правильные для капиталистического времени, и выводы, применимые к социалистическому хозяйству, оказываются совершенно непригодными для облеченной в плоть и кровь практики.

В этом и проявляется диалектическое противоречие скрещивающихся на переходной грани двух враждебных эпох. В нашей стране эта парадоксальность проявилась в том, что республика

уже более семи лет существует в окружении враждебных государств, стремящихся экономических и политически ее поработить. Сохранение экономической самостоятельности, развитие собственных производительных сил в сельском хозяйстве и промышленности остается для республики для ближайшего периода вопросом жизни и смерти, при чем таким вопросом, который она должна разрешить без всякой посторонней помощи.

Механизация труда и электрификация всего народного хозяйства — эти спасительные меры могут быть проведены лишь в том случае, когда страна найдет в себе достаточно сил, чтобы накопить необходимые средства для приобретения современных машин и постройки электрических станций. Нужно сперва подняться из той трясины, в которую попала страна, на уровень элементарной капиталистической культуры, и только тогда, когда этот уровень будет достигнут, можно говорить о дальнейшем развитии. Правительство и народ прилагают все усилия к тому, чтобы наука и техника нашли доступ к живому труду. Несмотря на крайнюю бедность страны, электрификация проводится с героической последовательностью. Она подхвачена широчайшими крестьянскими массами, не знавшими до сих пор не только социалистической культуры, но пребывавшими во многих местах на уровне первобытной варварской культуры. Электрификация стала подлинным народным идеалом, и процесс ее осуществления идет быстрым темпом вперед. Однако, было бы легкомыслием полагаться исключительно на этот развивающийся процесс электрификации и механизации труда. Сельское хозяйство и промышленность слишком бедны по сравнению с довоенным уровнем; материальное благополучие крестьян и рабочих опустилось до такого предела, что вопросы повышения продуктивности промышленности и сельского хозяйства становятся в порядок дня с необычайной остротой. Можно сказать даже резче. *Слишком медленен процесс механизации труда, чтобы на его основе мы могли удержать свою экономическую самостоятельность и политическую власть.* История наших дней ставит нам слишком короткие сроки для того, чтобы мы могли разрешить задачу освобождения от капиталистического гнета на основе одного лишь процесса механизации и электрификации производства. Нужно вызвать к жизни еще и другие факторы, которые могут разрешить вопрос именно в условиях тех сроков, которые перед нами ставит действительность.

Научная организация труда ставится в порядок дня, как оперативная задача, разрешение которой должно выразиться в повышении продуктивности труда. Не одним только способом механизации производства, но всеми средствами необходимо пытаться разрешить эту задачу.

Разногласия, имевшие место до Конференции, разделили работников по НОТ на два лагеря. Присматриваясь ближе к этим

делениям, замечаешь, что линия раздела проходит именно по пути оценки современного экономического положения. Для одной группы («платформа 17-ти») задачи НОТ рисовались в упомянутой отдаленной перспективе. Их тезисы и практические предложения были рассчитаны на условия социалистического хозяйства. Поэтому, применительно к нашим дням, эта группа товарищей сыграла роль отвлеченных культуртрегеров, просвещенцев по отношению к рабочей и крестьянской массе. Материальной основы под их предложениями не было.

Вторая группа (группа ЦИТ'а) во главу угла поставила учет диалектического своеобразия того переходного момента, который мы сейчас переживаем. Она поставила себе задачу выяснить место НОТ не только в общей перспективе переходного времени от капитализма к социализму, но и для тех конкретных условий, которые характерны для переживаемого в данный момент периода НЭП'а. Выводы, к которым пришла эта группа и которые утверждены Конференцией, находятся на первый взгляд в противоречии с обычными теоретическими положениями марксистов.

Мы всегда восставали против сдельной платы. Между тем, сдельная плата признана этой группой и Конференцией, как один из основных стимулов повышения продуктивности труда. Мы рассчитывали, что прогресс современного общества будет построен на широчайшем применении усовершенствованных двигателей и инструментов, а теперь мы апеллируем к интенсивности труда, т. е. требуем непосредственного увеличения полезной работы со стороны живой человеческой машины. Мы поклоняемся машинной технике и рисуем себе социализм в железе и стали, а строим нашу современную педагогику на обучении элементарным трудовым приемам: рубке зубилом и опиловке.

Конечно, это противоречие только кажущееся. На деле мы впали бы в величайшее противоречие с марксизмом, если бы пошли по иному пути. Это противоречие выразилось бы в нарушении основного принципа марксизма: мы упустили бы его диалектический характер. Диалектика требует учета всего живого своеобразия современной обстановки. Она показывает нам на многих примерах, как тактика побеждающего класса может меняться с каждым днем. Положения, верные для большой исторической перспективы, могут оказаться неправильными для маленького отрезка времени, для периода, когда нужно действовать на основе конкретной обстановки.

В своих резолюциях Конференция дала победу этому направлению, исходящему из оценки живой действительности. В резолюции по докладу тов. Куйбышева Конференция указывает, что

«было бы ошибкой принципиально отрицать возможность повышения интенсификации труда в тех областях промышленно-

сти, где современный уровень интенсификации труда отстает от соответствующего уровня в капиталистических странах. Повышение интенсификации труда при условиях диктатуры пролетариата не является эксплоатацией рабочего класса, а лишь усилиями самого рабочего класса в деле отстаивания завоеванных им у буржуазии экономических позиций».

Поскольку Конференция приняла эту основную точку зрения, все дальнейшие резолюции являются необходимым отсюда выводом. На ряду с механизацией труда, она не оспаривает возможности его интенсификации. Скажем однако два слова в раз'яснение этого термина. Нас часто упрекали в том, что, применяя его, мы встаем на путь безудержной эксплоатации рабочих и впадаем в так называемый чистый тейлоризм. Так ли это?

Мы исходим из необычайной отсталости техники нашего производства и стремимся учесть, по мере возможности, низкий культурный уровень крестьянства. Крестьянство есть тот источник, откуда промышленность рекрутирует рабочую массу. Последняя приходит в город со всеми трудовыми навыками и приемами, которые остались им в наследство многовековой традицией крестьянского хозяйства. Городская индустрия революционизирует эту массу не только политически: она вываривает их в своем фабричном котле, превращает из отсталых, неподвижных и неповоротливых в быстро действующие, четкие или легко ориентирующиеся существа. Сноровка, быстрота действия, смышленость фабричного рабочего стоит значительно выше, нежели у его крестьянского собрата. Однако, эти качества не так-то легко даются рабочему. Должно, предварительно, пройти несколько поколений; рабочий должен основательно вывариться и прижиться на фабрике раньше, чем дух машины действительно овладеет его существом. Проходит известный период, в течение которого мертвый хватает живого и навыки и трудовые приемы крестьянской обстановки борются с тренировкой, внедряемой в рабочего машиной.

Известно, что русский рабочий работает менее производительно, чем англичанин или немец даже в равных технических условиях. Но тут нет ничего удивительного! Западно-европейские рабочие прошли долгую школу; они восприняли традицию своих отцов и дедов, прошедших горнило испытаний фабричной жизни. Русскому же рабочему приходится только теперь приспосабливаться. Поэтому в нем навыки квалифицированного работника перемежаются с трудовыми приемами и трудовыми традициями, унаследованными от крестьянской обстановки.

Когда теперь ставится вопрос о повышении интенсивности труда, то это вовсе не означает, что рабочий должен отдать в течение рабочего времени большую сумму энергии, нежели он отда-

БИБЛИОТЕКА

вал до сих пор, или которую он физиологически способен отдать. Речь идет о том, чтобы эту энергию полезно использовать, чтобы, по возможности, меньшее ее количество было потеряно на бесплодные и ненужные движения. Интенсивность труда в применении к реальной обстановке означает не что иное, как увеличение коэффициента полезного действия работающей человеческой машины. Как по отношению к машинам могут быть приняты меры увеличения полезной отдачи силы, так и по отношению к человеческому труду должно поставить себе задачу анализа трудовых движений с целью устранения лишних приемов и увеличения полезной работы.

Поскольку речь идет о том, чтобы втянуть широчайшие массы рабочих в этот процесс переквалификации труда, мы вынуждены искать такой способ, который мог бы заинтересовать их в проявлении лучших своих способностей. Здесь, как в малой капле воды, отражается общая постановка вопросов НОТ для нашей современности. Как повышение продуктивности всего народного хозяйства движется параллельно с улучшением материального благосостояния крестьянства и рабочего класса, так и повышение производительности труда каждого рабочего в отдельности связывается с повышением его материального благополучия. Поэтому Конференция постановляет:

«Одним из важнейших средств к рационализации труда в производстве является введение системы зарплаты, направленной к повышению производительности труда и к повышению заинтересованности рабочего в улучшении предприятия».

И дальше:

«Рабочий, заинтересованный в продуктивности своей работы, чувствует непорядок в цехе или на заводе, несогласованность его личных усилий с дезорганизованностью предприятия в целом. Он будет оказывать давление на мастера, заведывающего цехом или заводом. Для руководителей предприятиями создается обстановка, при которой они должны найти метод усовершенствованной, по сравнению с прежней, системы управления. Даже для инертных инженеров и техников, не желающих «новшеств», живущих «по старинке», создается угроза изоляции и необходимость пойти по пути рационализации производства».

Но это только одна сторона. Недостаточно той самодеятельности, которую проявляют рабочие для повышения продуктивности своего личного и коллективного труда. Нужно подготовить еще кадр лиц, которые могли бы показывать рабочему ежедневно в будничной деятельности, как работать, чтобы достигнуть наибольшего эффекта. Этот кадр существует. Есть целый слой рабочих, правда, высоко квалифицированных, подмастерьев, маленьких администраторов, работающих в цехах и отделах фабрик, которые фак-

тически несут на себе работу по организации труда в предприятиях. На их плечах лежит вся тяжесть повседневной работы по повышению продуктивности труда, по обучению рабочих и проч. Нужно только этот слой несколько приободрить, заинтересовать его материально в том, чтобы подчиненные ему рабочие действительно преуспевали в своем деле. Тогда, на ряду с материальной заинтересованностью всей рабочей массы, мы приобретаем слой инструкторов производства, которые обучают эту массу тому, чего она не в состоянии была бы сама добиться. Тут мы подходим к вопросу об «инструктаже». Важность этого метода была полностью учтена Конференцией. В ее резолюции говорится (по докладу т. Куйбышева):

«28. Именно при организованном участии профсоюзов вполне мыслимо проведение отбора наиболее талантливых рабочих на производственно-инструктирующие посты в предприятиях: инструкторов, установщиков, механиков по приспособлениям и проч.

Продолжая выполнять задачи отбора активно-административных единиц и рабочих на директорские посты, профсоюзы должны теперь поставить себе задачу отбора и создания производственно-инструкторских сил.

Этот отбор должен быть производим на основе организационно-производственных задач в предприятиях: удобной организации рабочего места, экономной распланировки операций, усовершенствования ручных и машинных приемов, понижения количества брака и проч.

Соединение инструкторского метода с методом экономического стимулирования создает для профсоюзов форму планомерного участия в организации труда в самом производстве».

Инструктаж— это, собственно говоря, массовое обучение рабочих. На фабриках и заводах инструктора производства показывают, как нужно работать. Однако, каждый из них действует за свой страх и риск, иногда хорошо, а иногда и плохо. Общего метода обучения у нас еще до сих пор в наличии не имеется. Поэтому деятельность инструкторов производства и работа фабзавучей не дают пока всех желательных результатов. Конференция неоднократно останавливалась на этом вопросе. В секциях и на пленуме возвращалась она к его обсуждению и вынесла по этому вопросу несколько резолюций. В области педагогики она указала на методы обучения, применяемые ЦИТ'ом. В общем, его методика была целиком одобрена и рекомендована Конференцией для применения не только в фабрично-заводских школах ученичества, но даже в военном деле и в высших учебных заведениях.

Интерес, проявленный к вопросам педагогики, показывает, насколько широкие перспективы могут быть раскрыты при дал-

нейшем продвижении этого дела в нашей стране. Конференция осудила те методы обучения молодежи, которые практикуются в наших учебных заведениях, указав на необычайную теоретичность постановки обучения в школах. Во главу угла она поставила обучение молодежи практическим приемам работы и требовала, чтобы теория служила главным образом справочным материалом для лиц, проходящих школы и подготовляемых к практической работе в производстве. В своей резолюции по вопросу «НОТ и педагогика» она указывает:

«Необходимо признать, что в настоящее время в деле подготовки рабочей силы отсутствует рациональная методика. Тем с большей энергией Конференция приветствует методические работы ЦИТ по обучению приемам в различных профессиях и рекомендует принять его методику, как основу при обучении трудовым приемам учеников и начинающих рабочих и для подготовки кадра инструкторско-педагогического персонала».

До какой степени важен этот вопрос не только в нашей стране, но даже для наиболее передовых стран Запада и Америки, показывает документ, опубликованный Американским Союзом Инженеров, производившим специальные обследования о потерях времени в промышленности. В своем отчете они пишут следующее [1]):

«В производстве обуви расход по обучению неопытного рабочего заготовщика в хорошо поставленном предприятии составляет 576 долларов, для полуопытного—450 долларов и даже определение вполне опытного заготовщика в новую мастерскую связано с расходами, равными 50 долларам. Для средней мастерской названные цифры несомненно низки».

Если такой расход несет американская промышленность, которая оперирует сравнительно обученным человеческим материалом, прошедшим долголетнюю школу фабрично-заводской жизни и приспособленным гораздо лучше наших рабочих к переходам от одного станка к другому, то расход, который несет промышленность в нашей республике, вследствие неподготовленности работников, необычайно велик. Все утешение (если это можно назвать утешением) состоит в том, что у нас эти расходы никем не подсчитываются и теряются в неизвестности.

От вопросов педагогики один шаг к проблемам изучения движений и рабочего времени. Несмотря на крайнюю отсталость нашей промышленности, и эти вопросы были подвергнуты обсуждению Конференцией с неослабным интересом. Был представлен доклад, который показывает, что кое-где, хотя и в небольшой группе предприятий, применяется хронометраж в довольно развитой форме.

---

[1]) Эта и дальнейшие цитаты взяты из «Вестника Инженеров», № 1—2, за 1924 г., Москва.

Опыты постановки этого способа изучения рабочего времени не уступают Западной Европе и Америке, а результаты, полученные таким путем, настолько поразительны, что не могут не служить заражающим примером, по крайней мере, для тех предприятий, которые были представлены на Конференции. Особо интересен был доклад представителя ленинградского завода имени М. Гельца (бывш. Семенова). Докладчик показал, что на некоторых работах им удалось, благодаря хронометражу и связанным с этим мероприятиям, увеличить производительность до 12 раз.

Вопреки общераспространенному мнению о том, что в нашей промышленности господствует 8-часовой рабочий день, этот доклад показал, что фактически нигде рабочие не работают полных 8 часов, да собственно говоря, этого и нельзя требовать. При проведении хронометража на заводе им. Макса Гельца (бывш. Семенова) администрация заранее отказалась от мысли, что рабочие могут работать полные 8 часов. Нормы выработки, принимаемые администрацией на этом заводе, предусматривают сокращение действительного рабочего времени от 1½ до 3 часов, при чем это сокращение распределяется следующим образом:

Наименование работ.	Сокращение
Работы на станках с преобладанием самохода . . .	1½ ч.
Машинные работы с преобладанием ручных манипуляций и ручной работы средней трудности	2 „
Тяжелые ручные работы	1½ „
Тяжелые работы, связанные с большой затратой мускульной силы.	3 „

Специальное обследование, произведенное врачами на упомянутом заводе, показало, что рабочие отнюдь не переутомляются здесь больше, чем на других заводах. Следовательно тренировка работы и дисциплинирование рабочих не отражается вредно на их здоровьи, по крайней мере в тех пределах, в которых это было произведено на данном предприятии. С другой стороны, нижеследующие цифры показывают, что и заработки рабочих в 1923 году отнюдь не отстают от заработков рабочих других предприятий. Тарифные ставки на предприятии—обычные, согласно коллективному договору Союза Металлистов, а обще-заводской приработок сдельщиков колеблется в следующих пределах:

Месяцы 1923 г.	Август.	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Январь 1924 г.
Приработок в % к ставке	80	80	77	76,4	68	74,4

Изучение движений демонстрировалось на Конференции ЦИТ'ом. Как было уже упомянуто выше, его методика была полностью одобрена, при чем этому вопросу было уделено большое внимание. Насколько далеко продвинулось это дело в нашей стране вперед, показывает оценка, данная Конференцией работам ЦИТ'а в области изучения движений.

Вот выдержка из ее резолюции по психо-физиологии труда:

«Конференция считает, что применяемые ныне в лабораториях Центрального Института Труда методы, дополненные энергетическим изучением трудовых процессов, являются достаточными для записи и анализа рабочих движений и дают уже возможность подойти к конструированию экономных рабочих движений, и, что теперь уже можно перейти к изучению более сложных, отличающихся большим участием нервной системы, движений».

От вопросов педагогики и изучения труда переходим к общим вопросам организации предприятий. Здесь было обращено особое внимание на проблему стандартизации. Для нашей страны, при том чрезвычайном разнообразии изделий и способов их изготовления, этот вопрос играет едва ли не решающую роль в деле первичного улучшения производства. Конференция признала это и с особою силою указала, что она «считает стандартизацию промышленности и торговли в СССР одной из первоочередных задач по НОТ, предлагает СовНОТ обратить особое внимание на координирование уже проводящихся в этой области работ и принять все необходимые меры для их дальнейшего планомерного развертывания» и т. д.

В упомянутом уже документе американских инженеров находим указание, что даже для этой страны вопросы стандартизации играют колоссальную роль. Обследование показало, что, например, в строительном деле путем одной лишь стандартизации толщины некоторых стен можно было бы сохранить 600 долл. со стоимости среднего дома. Упомянутый Комитет Инженеров сообщает, что в Америке существует около 6000 фабричных марок бумаги, из которых 50% можно было бы без ущерба из'ять из обращения. Например, 100 миллионов долл. в год можно было бы с'экономить, если бы ввести однородность в формах периодических изданий и коммерческих журналов, и т. д.

Не меньшее внимание было уделено Конференцией вопросам калькуляции и учета. Была создана специальная секция, работавшая в области применения НОТ к управлению и административной технике. Резолюции этой секции составляют отправной пункт в деле дальнейшего улучшения постановки администрирования, калькуляции и учета. Нам кажется целесообразным привести здесь для параллельности и сопоставления выдержки из упомянутого уже выше документа американских инженеров. Чи-

тателю будет видно, что отсутствие или неудовлетворительность постановки калькуляции вовсе не составляет исключительной монополии нашей промышленности:

«Большая часть обследованных предприятий, — пишет Комитет Инженеров,—не располагает сведениями о себестоимости и не следит за ней. Поэтому нет и действительных способов проследить систематически и точно, когда нужны улучшения и где происходят убытки. Отсутствие данных не допускает быстрого устранения недостатков. Подобные условия обрисованы, например, в отчете металлической промышленности. Обзор типографий в Нью-Йорке, составленный об'единением типографов, показал, что:

56 предприятий пользуются стандартным методом определения расходов;

187 предприятий без систематических методов, но со знанием всех основных расходов;

741 предприятие без систематических методов и неполным знанием всех основных расходов;

554 предприятия без систематических методов и неполным знанием основных расходов.

Первые две группы были доходными в 1919 г., последние две —убыточными».

Если бы в этой выдержке не было указано, что дело происходит в Нью-Йорке, можно было бы подумать, что речь идет о Москве или Ленинграде. Факт таков, что требования, которые мы пред'явлем нашей промышленности в области калькуляции, упираются не только в известную инертность, имеющую место на деле, но также и в отсутствие обще-признанных способов калькуляции и методов учета. Дальнейшая работа, которая будет производиться институтами или специальными лабораториями в области изыскания методики учета, даст толчок этому делу и позволит, повидимому, к следующей конференции по НОТ представить практические результаты.

В общем уже из приведенных выдержек из резолюций и характеристики Конференции видно, что она приняла вполне правильный практический уклон. С другой стороны, ее теоретическая позиция оказалась вполне соответствующей требованиям современного момента. Она подтвердила правильность взглядов, находивших себе раньше поддержку среди профсоюзов и проводившихся сторонниками Центрального Иститута Труда. То обстоятельство, что она учла все трудности предстоящей практической работы, не только не должно обескураживать работников в области НОТ, но напротив того, должно их подбодрить, указав им при этом, что дальнейшая работа должна проводиться на основании кропотливых и точных исследований, не стремящихся к быстрому эффекту, но зато фундаментально выясняющих затронутые вопросы.

II. СОЮЗЫ и ПРОИЗВОДСТВО.

1. Союзы за истекший период НЭП.

Деятельность профессиональных союзов в настоящий момент целиком определяется структурой Советского Государства и теми особенностями, которыми характеризуется период новой экономической политики. Основной документ, на который ориентируется работа профессиональных союзов, остается до сей поры постановление ЦК РКП(б) о профсоюзах, принятое пленумом ЦК 28 декабря 1921 года и подтвержденное XI с'ездом партии.

Анализ экономики переходного периода, т. е. новой экономической политики, данный в этом документе, остается глубоко верным до настоящего времени. Более того, несмотря на то, что с момента его опубликования прошло свыше 2½ лет [1]), до сих пор нет ни одного другого документа, который бы мог в основном дополнить или изменить характеристику положения и директивы, данные в этом постановлении.

НЭП есть переходной период в переходном периоде.

Почему это так?

Мы называем переходным периодом всю эпоху диктатуры пролетариата, т. е. всю ту эпоху, которая лежит между капитализмом и социализмом. Но эта эпоха имеет сама по себе ряд промежуточных периодов, и одним из таких промежуточных периодов является НЭП, точно так же, как до него первым периодом во всем переходном периоде была эпоха военного коммунизма. Констатирование наличия переходных периодов в большой переходной эпохе от капитализма к социализму, тщательный экономический и политический анализ того переходного периода, который характеризуется НЭП'ом, и, в частности, приложение всех вытекающих отсюда выводов к практике и роли профессиональных союзов, составляет одну из важнейших заслуг Центрального Комитета нашей партии и В. И. Ленина. В этом умении отличить фазы переходного периода состоит суть диалектики в применении к процессу общественной жизни.

Но констатированием этого основного факта дело не ограничилось. ЦК указал в упомянутом постановлении, что НЭП сам по себе богат противоречиями и, в частности, деятельность профессиональных союзов вся зиждется на противоречиях. Тут практическое постановление, имеющее промадный тактический смысл, сблизилось по своему теоретическому содержанию с самыми абстрактными высотами марксистской материалистической

[1]) Писано в августе 1924 г.

философии. Характеристика противоречий профессиональных союзов при диктатуре пролетариата дана с исчерпывающей ясностью. Мы напомним ее читателю:

«С одной стороны, их (союзов. *А. Г.*) главный метод действия—убеждение, воспитание; с другой, они не могут отказаться, как участники госвласти, и от участия в принуждении. С одной стороны, их главная задача—защита интересов трудящихся масс в самом непосредственном и ближайшем смысле слова. С другой—они не могут отказаться от нажима, как участники госвласти и строители всего нархозяйства в целом. С одной стороны, они должны работать по-военному, ибо диктатура пролетариата есть самая ожесточенная, самая упорная, самая отчаянная война классов; с другой, именно к профсоюзам всего менее применимы специфически военные методы работы. С одной стороны, они должны уметь приспособиться к массе, к ее данному уровню, с другой—они никоим образом не должны потакать предрассудкам и отсталости массы, а неуклонно поднимать ее на уровень все более и более высокий и т. д., и т. д. Эти противоречия не случайны и неустранимы в течение ряда десятилетий».

В этой цитате сказано все. Интересы пролетариата в целом совпадают с интересами государства. Но по отношению к каждой отдельной фабрике возможно и даже иногда необходимо противопоставление интересов рабочих—интересам предприятия. В этом—смысл противоречий НЭП'а. Рабочий класс в целом заинтересован в восстановлении советского хозяйства, ибо это восстановление является базой диктатуры пролетариата. Эта заинтересованность не может выражаться лишь в платонической форме, она требует энергичного участия рабочих организаций—профессиональных союзов в общей советской работе по восстановлению промышленности. Понятно, что работа по восстановлению промышленности в целом, поскольку она служит интересам всего рабочего класса, может быть обращена против интересов той или иной отдельной группы рабочих. В этом смысле, рабочий класс подчиняет интересы частные общим интересам, преодолевает требования отдельных групп, выдвигая на первый план стремления всей рабочей массы, т. е. рабочего класса, т. е. рабочего государства.

Но, с другой стороны (и тут—противоречие НЭП'а), поскольку предприятия переводятся на хозяйственный расчет, не исключена возможность, что приведение их в состояние коммерчески-выгодных предприятий будет итти преимущественно за счет нажима на труд рабочих. Поэтому, уже в каждой отдельной фабрике рабочая масса данного предприятия должна быть на чеку, должна уметь защитить свои интересы и притом не только в том случае, когда предприятие принадлежит частному капита-

листу, но также и именно тогда, когда оно является государственным предприятием. Значит, провозглашается принцип борьбы отдельных групп рабочих. Интересы пролетариата в целом сами по себе, а интересы отдельных его отрядов, точно так же сами по себе. Помимо борьбы рабочего класса в целом, провозглашается возможность и необходимость экономической борьбы отдельных его частей. Стало быть, борьба рабочего класса как бы распыляется и приобретает множество центров. Каждая молекула его ведет самостоятельную борьбу. Мы можем сказать, что экономическая борьба рабочего класса в этой стадии НЭП'а как бы «молекулизируется».

Таковая *первая стадия НЭП'а*. Это та стадия, во время которой было об'явлено упомянутое постановление ЦК о профсоюзах. *Перенесение центра тяжести экономической борьбы пролетариата на периферию, молекуляризация классовой борьбы пролетариата—таков характер этой первой стадии НЭП'а.* Соответственно определялись основные задачи профессиональных союзов, как задачи непосредственной защиты интересов не только рабочего класса в целом, но и каждого отдельного отряда рабочего класса на каждом отдельном предприятии.

Тут же присовокупим, что в экономическом отношении характерной особенностью этой первой стадии НЭП'а оказалось выпячивание *легких отраслей индустрии,* т. е. именно тех отраслей промышленности, которые вырабатывают предметы массового потребления и непосредственно соприкасаются с рынком частного потребителя. Связь между этой экономической особенностью первой стадии НЭП'а и перенесением борьбы рабочего класса на его периферию столь очевидна, что не требуется ее доказывать.

2. Стадии в переходном периоде.

Выше уже мельком было упомянуто, что постановление Центрального Комитета полностью покрывает собою первую стадию НЭП'а. Начиная с осени 1923 года, страна вышла из этой первой стадии и переживает теперь *вторую стадию* НЭП'а. Мы могли бы, повторяя старые выражения, сказать, что обнаруживается новый более микроскопический переходный период в переходном периоде. НЭП обнаруживает собственные фазы, стадии развития. Несмотря на то, что всем этим стадиям соответствует нечто общее и именно основа НЭП'а, — свободная торговля и государственно - капиталистические отношения, каждая фаза отличается от предыдущей и требует вдумчивого к себе отношения и отдельного анализа.

Со времени об'явления НЭП'а прошло свыше трех лет. За это время промышленность сделала большие успехи, и, вместе

с тем, профессиональным союзам удалось выполнить возложенную на них миссию.

Если во время военного коммунизма заработная плата не превышала 15—20% довоенной оплаты труда, то уже к осени 1923 года произошло значительное изменение в сторону повышения.

В среднем, за 1923 год заработок промышленного рабочего превзошел 55% его же заработка за 1912 год. После этого продолжалось повышение заработной платы во всех отраслях промышленности. В настоящее время она в среднем составляет не меньше ¾ довоенного заработка, хотя в отдельных и наиболее важных отраслях промышленности она весьма приближается к довоенному уровню. Но если бы учесть понижение платы за коммунальные услуги, где введен классовый принцип оплаты, если учесть затем отчисления на социальное страхование, культурно-просветительную работу среди рабочих и прочие расходы, то нет сомнения, что в ряде важнейших отраслей индустрии довоенная заработная плата оказалась бы превзойденной.

В этом нет решительно ничего худого! Наоборот, мы должны приветствовать то обстоятельство, что профессиональным союзам удалось добиться улучшения положения рабочей массы. Стало быть, один из элементов противоречий НЭП'а тут может считаться обезвреженным. Но теперь на сцену выступает другой момент. Не принесет ли ущерба это повышение заработной платы народному хозяйству в целом?

Этот вопрос не может быть разрешен без выяснения современных взаимоотношений между рабочим классом и крестьянством. Мы знаем, что при заработной плате в 55,1%, валовая продукция промышленности за 1923 г. составляла 38,9% (цифры взяты по отношению к 1912 г.). Но это—валовая продукция. Что касается чистой продукции, т. е. того количества товаров, которое промышленность в целом могла предложить рынку, то оно значительно меньше упомянутой цифры. С другой стороны, та часть, которая была предложена крестьянам, еще и того меньше. Таким образом, город не в состоянии обслуживать дешевыми товарами и в достаточном количестве крестьянский рынок. Об этом сигнализировали «ножницы», которые мы считаем гранью между первой и второй стадией НЭП'а. Усилия, приложенные партией и властью, дали возможность снизить цены на продукты городской промышленности. Но не дошли ли мы до предела? Представляется ли возможным дальнейшее понижение цен без того, чтобы не изменить условий производства?

Все говорит за то, что предел достигнут; понижение цен теперь мыслимо лишь в том случае, если будет достигнуто одновременное повышение производительности труда. Скажем другими

словами — рост заработной платы возможен лишь в том случае, если параллельно с ним и тем же темпом будет повышаться производительность труда в промышленности. Это две стороны одного и того же процесса. Взаимоотношение рабочего и крестьянина,— цены на товары городской промышленности,— заработная плата и производительность труда — все это комплекс тесно связанных между собой величин, которые в конечном счете приводят к усложнению задач пролетариата в этой второй стадии НЭП'а, и, в частности, задач профессиональных союзов. Мы могли бы сказать, что лозунгом *пролетариата в первой стадии НЭП'а была заработная плата; его лозунгом во второй стадии становится производительность труда.* Соответственно этого и задачи профессиональных союзов усложняются. Общая директива, данная в упомянутом постановлении ЦК о союзах, не может быть изменена ни на одну букву, но ее конкретное содержание будет в 1924 — 25 году не таково, как в 1922 году. Перед пролетариатом встает проблема производительности труда, которая не может быть задачей только отдельных групп, но неминуемо должна привлечь внимание рабочего класса в целом.

В этой второй стадии НЭП'а экономическая борьба пролетариата становится, следовательно, более компактной, охватывает большие массы рабочих и все больше и больше дает лозунги, имеющие значение для всего рабочего класса. Если мы говорили, что в первой стадии НЭП'а происходит молекуляризация классовой борьбы, *то теперь наступает период обратного процесса, когда эта борьба все больше приобретает обще-классовое знамя.*

Упомянем, что основной экономической особенностью этой второй стадии НЭП'а является *выступление на авансцену крупной тяжелой индустрии, и, в частности, металлопромышленности.* Связь между восстановлением этой группы производств и новой фазы борьбы пролетариата и деятельности профсоюзов точно так же слишком очевидна, чтобы нам на ней останавливаться.

3. Противоречия в развитии производительности труда.

Нужно заранее оговориться, что проблема взаимоотношений рабочего класса и крестьянства не перекрывается целиком работой по повышению производительности труда. Суть дела состоит в том, что крестьянин хочет (и в праве этого желать) получить за хлеб дешевый продукт. Для того, чтобы этот дешевый продукт ему предоставить, рабочий старается понизить себестоимость изделий и вместе с ней продажную цену. Однако, мыслимо ли при нынешнем положении производства и при нынешней загрузке

предприятий повышение производительности до такого предела, при котором удешевление продукции могло бы полностью удовлетворить запросы крестьянства? Есть много данных, которые указывают на то, что и в вопросе производительности труда есть свой экономический предел, который должен быть трезво учтен. Тут не должны иметь места иллюзии.

Тем не менее, работа по поднятию производительности труда должна стать основною работою. Споры о том, что важнее — производительность или интенсивность труда, — есть пока для нынешней стадии споры схоластические. Одна сторона дела не может развиваться без другой. Было бы лицемерием утверждать, что мы поднимаем производительность труда исключительно за счет эксплоатации механизма. Поднять производительность труда за счет механизмов, это означает — вводить механизацию процесса производства. Не имеет никакого смысла отрицать необходимость постановки и разрешения этой задачи. Но вместе с тем ясно, что механизация производства в том масштабе, в каком она применяется в более культурных индустриальных странах, требует затраты времени и средств. Эта работа ведется в стране и наиболее ярким выражением ее является электрификация. Но раз проблема удешевления продукции ставится не в общей форме, а в пределах известны, и к тому же коротких, сроков, то нужно еще выяснить, укладываются ли в эти сроки те попытки механизации труда и электрификации, которые сейчас проводятся в жизнь.

Раз мы говорим о срочных заданиях, т. е. о таких заданиях, которые должны быть выполнены в течение 1—2 лет, то было бы в высшей степени неправильно ссылаться на длительный процесс электрификации страны и механизации производства. Повидимому, речь может и должна итти о наиболее правильном и энергичном использовании живой рабочей силы в пределах наличных средств и условий производства.

Раз союзы создают необходимость перехода на усиленное использование рабочей силы, то они, выражаясь словами упомянутой резолюции ЦК, «не могут отказаться от нажима, как участники госвласти и строители всего народного хозяйства в целом». Это — одна сторона их деятельности. Мы увидим в дальнейшем, что проблема производительности труда обладает и другой стороной. Остановимся сперва на первой. Каковы пути усиленного использования живого человеческого труда в переживаемый момент? Тут, прежде всего, встает вопрос о рабочем времени, ибо время есть основной показатель процесса труда, основное его мерило. То, что мы работаем мало, не подлежит никакому сомнению. Мы работаем во всяком случае недостаточно по сравнению с тем, чего требуют от нас интересы народного хозяйства. Справ-

ка Ц. С. У. дает следующие цифры длительности рабочего времени в нашей республике. Из нее видно, что на одного рабочего приходилось в среднем следующее количество рабочих дней в году [1])

1920 год	228,3
1921 »	221,5
1922 »	257,9
1923 »	260,7

Из года в год число фактических дней работы в году увеличивается. Однако, общее количество все же недостаточно. Оказывается, что советский рабочий год меньше, чем рабочий год Западной Европы и Америки и вместе с тем меньше довоенного рабочего года. Необходимо тут же отметить, что в царское время наша страна характеризовалась длинным рабочим днем и коротким рабочим годом, так как крестьянская страна всегда много празднует. Но все же даже и тогда в среднем мы работали 280 дней. По советским законам рабочий год нужно исчислять в 284 рабочих дня (здесь уже учтены 2-недельные отпуска). Значит, фактическое количество дней работы в минувшем году было меньше законодательного года на 23,3 дня.

Вторым вопросом, который требует к себе внимания, является вопрос об единовластии на предприятиях. Несомненно, что теперь на заводе власть более концентрирована, нежели, например, три года назад. Тем не менее, она еще не может считаться вполне единоличной. Это будет, в частности, продолжаться до той поры, покуда дело оплаты труда будет находиться в руках паритетного органа—расценочно-конфликтной комиссии. Оплата труда есть едва ли не самое главное орудие поднятия производительности труда. Тем, что мы передаем это дело в руки паритетной и анонимной организации, т. е. такой организации, которая не отвечает персонально за ход производства, мы снимаем ответственность с мастера—руководителя цеха или предприятия за подведомственную ему работу.

К этому вопросу тесно примыкает также и вопрос о наших отношениях к специалистам. Интересы производства требуют возложения на них полной ответственности за ту работу, которую они ведут, но эта ответственность мыслима лишь в том случае, если в нее не будут вмешиваться посторонние организации. Мы чувствуем, что мы тут идем на грани. С одной стороны, производственный процесс требует беспрекословного единовластия; он требует решительного использования рабочей силы во всех своих стадиях. С другой стороны, громадная масса инженеров-специа-

[1]) Ц. С. У. «Народное хозяйство Союза ССР в цифрах», стр. 177.

листов, даже безусловно преданных Советской власти, не умеет приблизить себя к рабочей массе и заслужить ее доверие. Раз давление на рабочих производится «спецом», то для отсталых слоев в нем персонифицируются все злые силы. Все недовольство и возмущение выливается против него, хотя он только выполняет задания рабочего государства.

Профессиональные союзы, «как участники госвласти», принимают участие в этом нажиме. Они поддерживают спецов. Но чем больше ведется этот нажим, тем шире должен захватывать союз под свое влияние рабочие массы. Чем чаще приходится применять меры принуждения, тем больше должно применяться со стороны профсоюзов убеждение. В этом — противоречие положения союзов, которое было указано уже в упомянутой резолюции ЦК. На первой стадии НЭП'а это противоречие не выявлялось с такой глубиной, как теперь, когда на передний план выступает проблема поднятия производительности труда. От союзов потребуется еще большая гибкость, нежели они имели до сих пор. Умение применять метод убеждения, с поддерживанием в известных случаях меры принуждения, станет теперь прямо универсальной задачей профессиональных союзов. И поскольку проблемы производительности труда охватывают громадные массы предприятий с подавляющим большинством рабочих—и притом предприятий первостепенной государственной важности,—тут умение превратить свои организации в действительную школу коммунизма, подчинить своему влиянию рабочие массы, не допустить до конфликта там, где этот конфликт назревает, — станет основной задачей союзов.

Союзы должны быть еще более популярными, нежели они являются до сих пор. Эту популярность они могут выработать, конечно, не только тем, что они будут применять язык убеждения, но и в особенности тем, что они смогут отстаивать интересы трудящихся там, где эти интересы совпадают с интересами рабочего класса в целом. Выше было сказано, что производительность и интенсивность труда, это две стороны одного и того же процесса. Это верно. Но тут все дело в сроках. Если мы сегодня ориентируемся на интенсификацию труда, то завтра мы должны будем повернуться лицом к его механизации. *Вся суть задачи заключается в том, чтобы этот поворот сделать своевременно.* Ошибается тот, кто хочет раньше времени сделать ставку на механизацию. Это была бы не реальная политика, ибо сегодня у нас нет достаточной базы для этого. Но возможны ошибки и в противоположном направлении. Весьма вероятно, что там, где об'ективные условия позволяют рационализировать производство или путем механизации труда увеличить многократно его продуктивность, там вследствие известной закостенелости организации бу-

дет оказано некоторое противодействие этому переходу. И можно заранее предвидеть, что это противодействие во многих случаях будет оказано даже администрацией предприятий, у которой слишком много хлопот, чтобы смотреть в даль. Она занята текущими задачами фабрики и не всегда находит в себе достаточно силы для того, чтобы производить большие переломы в организации дела.

Тут налицо противоречие в проблеме производительности труда. Это противоречие решается с помощью союзов. Союзы заслужат популярность рабочей массы тогда, когда они возьмут инициативу в свои руки и укажут, что именно в данном пункте и именно в данный момент наступила пора перейти от усиления интенсивности к механизации труда.

4. Профсоюзы на предприятии.

Может показаться странным, что в противоположность позиции западно-европейских и американских рабочих организаций, всеми силами сопротивляющихся введению научной организации труда в производстве, — профсоюзы советской страны являются инициаторами и застрельщиками организации производства. Несомненно, что одной из важных причин, определяющих позицию наших профсоюзов, является высокий уровень революционного самосознания пролетариата Советского Союза. Но корень дела заключается, конечно, не в этом, основную причину нужно искать в полной противоположности положения рабочего класса социалистических республик и капиталистических стран. В то время как в Западной Европе и Америке развитие техники и усовершенствование служит прямым средством к увеличению эксплоатации трудящихся масс, у нас каждое улучшение в технике производства, в управлении им и организации труда служит главным орудием для улучшения положения громадных рабочих и крестьянских масс.

Как бы ни вырастала заработная плата рабочего в капиталистических странах, благодаря техническим усовершенствованиям и научной организации труда, все же этот рост заработной платы представляет собою крохи, сбрасываемые с барского стола рабочей массе. На деле, всякое увеличение производительности труда влечет за собою неслыханный рост прибылей основных слоев класса капиталистов и непомерное увеличение той части труда, которую рабочий отдает безвозмездно на содержание своих господ. Поэтому, в лучшем случае, нейтрально относятся рабочие организации к распространению машинной техники капиталистического мира и к увеличению опыта в области организации труда.

Ближайшее рассмотрение положения рабочих масс в Советской стране приводит нас к заключению, что увеличение народного богатства влечет за собою непосредственно и увеличение реального заработка русского рабочего. Технические усовершенствования, изменения к лучшему в области управления предприятиями, точно так же немедленно отражаются на улучшении санитарно-гигиенических и прочих условий работы, или на увеличении реальной заработной платы рабочего. Поэтому основной причиной, по которой профессиональные союзы Советской Федерации оказались сторонниками проведения научной организации труда в производстве, является прямой экономический интерес широких рабочих масс, которые благодаря организационным мероприятиям и улучшениям производства, — улучшают вместе с тем свое материальное положение.

Дальнейший анализ экономического состояния страны показывает, что судьба заработной платы тесно связана с судьбою промышленности. Экономически невозможно довести заработок рабочих до довоенного уровня или повысить его при том условии, если промышленность не будет загружена заказами хотя бы в том же процентном отношении к довоенному, как заработная плата. Основными классами Советского Союза являются пролетариат и крестьянство. Их взаимоотношения выражаются в форме теснейшего политического и экономического союза. Отставание продукции промышленности при росте заработной платы означает не что иное, как длительное заимствование крестьянских средств для оплаты труда промышленных рабочих. Однако, с другой стороны, ни в коем случае не допустимо также и понижение заработка рабочих. Экономически, понижение заработной платы влечет за собой непосредственно падение производительности труда, при чем прогрессивность этого падения опережает собою понижение заработной платы. Характеристикой служит таблица движения годового заработка и выработки, данная в первой главе брошюры.

Мы, однако, не можем останавливаться на нынешнем уровне заработной платы. Для того, чтобы проводить в дальнейшем линию ее неуклонного повышения, мы должны, в нашей обстановке, поставить перед собою задачу организации труда и управления в промышленности.

Указанные основные экономические причины, толкающие союзы на путь организации труда в производстве, усугубляются еще и другим обстоятельством. В восстановлении промышленности заинтересованы не одни только профессиональные союзы, но лишь они являются в общей системе рабочих организаций тем костяком, на котором строится народное хозяйство. Уже много раз указывалось, что союзы являются базой, на которой организуется со-

ветская промышленность. К этому надо присовокупить, что в момент новой экономической политики они остались верны себе, именно, как организационная база социалистического хозяйственного строительства. В то время, когда хозяйственные органы заняты разрешением повседневных практических задач, а отдельные хозяйственники мечутся из стороны в сторону для разрешения вопросов жизни и смерти данного большого или малого предприятия, профессиональные союзы всегда смотрят в даль. Они имеют перед собою перспективу борьбы рабочего класса за конечную цель, и к каждому практическому вопросу подходят с мерилом этой конечной цели. Этим-то и об'ясняется то обстоятельство, что очень и очень многие хозяйственники более туги к вопросам организации труда и управления, более осторожны и, если позволено будет так выразиться, более консервативны, а союзы к этим вопросам значительно более восприимчивы. Конечно, это не может и не должно звучать, как упрек хозяйственным органам. Их тянут к сегодняшнему дню значительно более тяжкие гири, нежели профессиональные союзы. Тем не менее, факт именно таков.

В период военного коммунизма союзы начали с узкой практики вопросов заработной платы, а пришли к проблемам нормирования и к созданию Центрального Института Труда. Их практика в области создания норм выработки, организация специальных заводских технико-нормировочных бюро, выделение и отбор наиболее смышленых рабочих на директорские посты и на другие командные роли в производстве, останется лучшим памятником их деятельности в этот период, резко отделяющим их от узколобого тред-юнионизма западно-европейских и американских союзов.

Каким образом проводят союзы систему организации труда? Конечно, в предприятиях организация труда может быть проводима только силою хозяйственных организаций. Весь командный состав хозяйственных организаций вышел из недр профессиональных союзов, или же был во всяком случае ими отобран из среды рабочего класса. Это была первая мобилизация пролетарских сил в железную гвардию, которая стала на аванпостах хозяйственного фронта. Командные высоты заняты этой гвардией; власть в экономической жизни находится в ее руках, а через нее и в руках рабочего класса. Теперь настала пора дополнительного набора пехоты, которая сможет занять позиции внутри предприятий и довершить дело организации народного хозяйства. За немногочисленным кадром наиболее испытанных и талантливых борцов, которым вручена верховная власть экономического строительства, должен последовать второй и уже значительно более многочисленный отряд рабочих, которым будут поручены средние и мелкие административные посты в предприятиях. Поразительное сов-

падение во времени между этим отбором и набором, который производит партия для пополнения своих рядов [1]). Из полутораста тысяч партийных товарищей, вошедших в наши ряды по последней «ленинской мобилизации», необходимо отобрать людей, имеющих наибольший производственный стаж и поставить перед ними задачи управления промышленностью.

Основным плацдармом деятельности союзов является предприятие. Хотя работа союзов, как участников государственной власти и очень важна, а их деятельность в государственном аппарате интересна, но основой их работы остается заводская масса.

Более трудной задачи, нежели выпадает на долю союзов, не приходится разрешать никакой советской организации. Нужно привлечь рабочих к государственному строительству, обезвреживая вместе с тем отвратительные стороны государственного бюрократического устройства; требовать от рабочих повышения их работоспособности и вместе с тем следить за тем, чтобы эффект их увеличенной продуктивности не терялся в пространстве, т. е. на трения частей бюрократической машины, на бессмысленные расходы.

Работе союзов на предприятии нужно придавать громадное экономическое значение. Как уже сказано, они должны сигнализировать момент перехода к механизации труда. Конечно, этот момент не будет одновременен по всей промышленности. Техническое состояние предприятий в стране слишком разнообразно, чтобы пути повышения их продуктивности целиком совпадали в направлениях и сроках. Тогда, когда одно предприятие еще бьется над вопросом рабочего времени, второе может уже перейти к задаче переоборудования или новой организационной постановки дела. Всегда будет группа предприятий, идущих впереди массы; с другой стороны, без отстающего арьергарда промышленности — не обходится ни одна страна.

Это различие в положении предприятий играет громадную роль в деятельности союзов. Однако, и обратно, работа союзов сыграет едва ли не решающую роль в подтягивании отстающих предприятий и подталкивании передовых.

Когда два предприятия борются за рынок, то нормальным концом борьбы, для условий капиталистического хозяйства, является гибель одного из них. В этом—смысл конкуренции. Но в социалистическом хозяйстве предприятия не гибнут стихийно, а ликвидируются в плановом порядке, согласно воли государства, которое, конечно, заинтересовано использовать каждое предприятие возможно полнее, Поэтому в нашей экономической системе конкуренция в значительной степени лишена своего жала, она не

---

[1]) Писано во время ленинского набора.

достигает никогда своего логического конца. Если побежденное предприятие даже на краю гибели, в дело вмешивается государственная власть.

Но не имеет ли это и отрицательных последствий? Конкуренция была главным движущим стимулом технического прогресса предприятий. Раз она теряет свою остроту в социалистической экономике, не подрезываем ли мы сук, на котором сидим? И какая другая движущая сила может заменить действие конкуренции?

Этой силой должна быть организованная рабочая масса — союз. Мы считаем нормальным для нынешней стадии развития народного хозяйства, что в предприятии борются две противоположные тенденции, олицетворяемые администрацией и союзом. Одна идет (взятая в худшем случае, в возможности) по пути наименьшего сопротивления, делает ставку на интенсификацию и удлинение времени труда. Другая, взятая, опять-таки, в крайности, ищет усовершенствований в производстве, облегчающих труд, дающих возможность укоротить время его функционирования и обставить его наилучшими санитарно-гигиеническими условиями. *Противоречие здесь, при всей своей обостренности, обладает внутренним средством и играет, вследствие этого, роль, движущую предприятие вперед.* Она заменяет собою конкуренцию.

Для того, чтобы союз мог действительно сыграть эту роль, нужно придать его деятельности в предприятии по возможности более публичный, массовый характер. Он должен быть весь на виду у рабочей массы. Никакой представитель массы не заменит собою самое массу, ибо никто не может столь сильно чувствовать тягости труда, как сами работающие.

Механизмом втягивания массы в производственную жизнь, защиты своих интересов от уклонов в сторону интенсификации труда, выявления стремлений к усовершенствованию производства,—является производственное совещание рабочей заводской массы. Роль союза на производственном совещании, как представителя тенденций технических и организационных усовершенствований, вытекает из всего сказанного выше.

5. Рабочая масса и красный директор.

(Производственные совещания).

Теперь, к восьмому году революции, яснее выделяются общественные формы, в которых протекает хозяйственная жизнь Социалистической Республики. Годы, прошедшие до сих пор, были слишком тяжелыми для того, чтобы общественная жизнь могла выявляться во всей своей сочности на предприятиях. Мы

были более поглощены военной борьбой, борьбою с засухой и проч., нежели органической хозяйственной работой. Но теперь в центре внимания встало восстановление народного хозяйства и усиление союза рабочего класса с крестьянством. Партия, Советская власть, профсоюзы, хозяйственники об'единились для того, чтобы восстановить производительные силы страны и вызвать к жизни новый под'ем и волю к труду у широких рабочих масс.

Этот призыв не остается без отклика. Рабочие массы зашевелились и начинают интересоваться вопросами промышленной жизни гораздо больше, нежели это было до сих пор. И вот тут-то выясняется, что этот интерес к вопросам промышленности и производительности труда выливается в новые формы, о которых не только не знала дореволюционная Россия, но которые не были еще известны и нам до последнего года. В частности, на нынешней стадии развития борьбы за повышение производительности труда эти новые формы общественной жизни, т. е. широкая самодеятельность рабочей массы, выражаются в организации производственных совещаний на предприятиях.

Не следует недооценивать факта широкого распространения производственных совещаний! Это не просто заседания, в которых читаются и молча выслушиваются доклады. Это активное, иной раз бурное, проявление интереса со стороны самой широкой рабочей массы, освобожденной пролетарской революцией. Из целого ряда фабрик и заводов поступают сведения о том, что производственные совещания привлекают громадные массы рабочих предприятия. Во многих местах рабочие идут на производственные совещания прямо из цехов по окончании работ и проводят там время до глубокой ночи. При этом не наблюдается ослабевания интересов. Рабочие задают самые различные вопросы, зачастую ставят втупик технических и административных руководителей предприятий или цехов и заставляют их подтягиваться, принимать меры к устранению недостатков и выходить с отчетами об исполнении пожеланий рабочей массы.

Мы не зарекаемся: быть может, в дальнейшем, развитие самодеятельности масс приведет к каким-либо новым организационным формам и производственные совещания уступят им свое место. Но именно теперь, в переживаемый момент, эти совещания являются тем плацдармом, на котором развертывается первое выступление рабочей массы пролетарского государства на пути к действительно сознательному овладению производством... Как рад был бы Ленин, если бы он был жив и видел, что тот «великий почин», которым он назвал субботники, нашел теперь свое претворение в новых формах и в более широком масштабе.

В связи с этим с особой настойчивостью встает вопрос о роли красного директора в производственном совещании. Ни в коем

случае партия не может допустить, чтобы красный директор был тем лицом, которое производственное совещание увлекает против его воли; который не может справиться с набегающей волной интереса рабочей массы к производству. Красный директор должен стать центральной фигурой производственного совещания. Не так должно обстоять дело, что он виновато отчитывается перед рабочей массой в том, что он сделал, скрывая подчас недостатки свои и недостатки предприятия. Дело должно быть поставлено так, что именно директор, как красный командир предприятия, должен увлекать за собою всю рабочую массу и итти впереди нее.

Директор предприятия всегда должен иметь перед своим взором ту цель, к которой он ведет свою фабрику. Он должен добиваться этой цели, скрывая свои внутренние волнения, с методической настойчивостью. Производственные совещания должны служить для него прекрасным средством к тому, чтобы раскрыть перед рабочими поставленную предприятию цель; сделать эту цель близкой самому отсталому работнику и работнице, вызвать в них такое же горячее желание к достижению этой цели, какое существует у него. Директор, который умеет увлечь за собою рабочую массу, приобретает колоссальную мощь. Его движение к цели получает громадное ускорение, об'ясняющееся тем, что вместе с ним это стремление охватило и массы.

Французский ученый Файоль говорит о том, что основными свойствами администратора являются: 1) предвидение, 2) организация, 3) распорядительность, 4) координирование и 5) контроль. В этом перечислении отсутствует самое главное, чего никогда не приобретет директор капиталистического предприятия, но что необходимо директору предприятия в Социалистической Республике,—это умение руководить массами.

Директор капиталистического предприятия приказывает, он действует силою принуждения. Красный директор может принуждать лишь тогда, когда большинство рабочих его понимают и принуждение необходимо лишь для исключительного меньшинства. Там, где нет взаимного понимания между большинством рабочих предприятия и директором, там приказ, принуждение обернется всей своей силой против красного директора и он будет выбит рано или поздно из седла. То обстоятельство, что умение руководить массой предприятия выступает на первый план именно теперь, является вдвойне характерным признаком. Оно показывает, что революция проделана не зря, что рабочие действительно освобождены и овладевают производством всем своим нутром. Вместе с тем, именно теперь, можно питать надежду на действительный под'ем производительности труда, так как этот под'ем находит свои общественные формы, в которых он может протекать наиболее уверенно.

Партия выдвигает лозунг: «Красный директор на производственные совещания».

Тот директор, который не сможет возвысить свой моральный авторитет благодаря производственному совещанию,— этот директор не может надеяться на доверие со стороны власти и партии. И, наоборот, те директора, которые сумеют стать во главе нарастающего движения рабочих за повышение производительности труда и, в частности, смогут стать душою производственных совещаний, — эти директора будут образцом для всех прочих руководителей советских предприятий.

III. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ.

Наука о труде [1]).

I.

Бесчисленные неудачи в деле организации народного хозяйства страны об'ясняются не только истощением материальных рессурсов и оторванностью расположенной, главным образом, в центральной области обрабатывающей промышленности от питающих ее баз, но и крайней дезорганизованностью труда применяющейся в промышленности живой рабочей силы. Это утверждение может показаться парадоксальным, ибо мы привыкли к мысли, что русское рабочее движение и, в частности, профессиональные союзы превзошли как по количеству захватываемых масс, так и по степени своей организованности все то, что нам дала история западно-европейского рабочего движения. Между тем, на практике можно легко убедиться, что применяющийся в российских предприятиях, даже в наиболее машинизированных, труд гораздо менее продуктивен, нежели труд рабочих в аналогичных предприятиях Западной Европы и Америки. Разрушительное влияние войны и первых периодов революции усугубили эту низкую производительность труда разрывом организационных связей между питающими и обрабатывающими предприятиями, разрухой в транспорте и в распределении. В условиях случайного снабжения, хронического недостатка сырых материалов, энергии и топлива, в обстановке голода и холода, помимо естественного понижения производительности труда, должна вырасти апатия к самой работе и неудовлетворенность процессом производства. Рабочий, работающий в предприятии с сокращенным наполовину производством, теряет последние остатки воли к труду и становится невольным пособником саботажа и проводником дальнейшего неоправдываемого самими условиями производства падения продуктивности предприятия. Такой рабочий, более того, при наличии голода, должен неминуемо испытывать сильнейшие порывы к нелегальной хозяйственной деятельности, именуемой на нашем обычном языке «мешочничеством», «спекуляцией» и т. д.

Нужно быть в высшей степени осторожными в обвинениях по адресу рабочих в падении производительности труда. Всем упрекам в непонимании государственных интересов, в антисо-

[1])«Экономич. Жизнь»,1919 г, № 255.

циальных инстинктах рабочей массы, мы должны противопоставлять наиболее важную в условиях переживаемого времени задачу организации промышленного труда. Мы должны указывать, что все попытки наладить народное хозяйство в республике уперлись в эту основную задачу и не могут претендовать на успех без предварительного ее разрешения. В особенности, организация социалистического хозяйства,—где все орудия производства, топливо и сырые материалы распределяются в интересах общественного целого, где предприятия не могут путем конкуренции привлечь к себе наиболее квалифицированный труд и лучших техников, — не может произойти успешно без постановки государственной организации труда. Этой задаче должны быть подчинены и тарифная политика профессиональных союзов и хозорганов,— которая, кстати сказать, не может быть противопоставляема государственному регулированию заработной платы и труда, — и вся практика организации управления предприятиями.

II.

Регулирование заработной платы представляет собою последнее слово организации капиталистического предприятия, и оно же является исходным пунктом попыток организации труда в условиях диктатуры пролетариата. Политика регулирования зарплаты должна быть рычагом, посредством которого возбуждается первичная воля к труду в самых различных категориях трудящихся. Замена денежной заработной платы выдачей предметов потребления натурой ни в какой мере не изменяет такой постановки задачи. Чем бы ни выдавалась заработная плата: денежными знаками, кредитными чеками или продовольствием,—самый размер выдаваемой заработной платы и ее количественное изменение должны определяться успешностью выполнения заданных поручений.

Уже из этой общей постановки вопроса видно, что регулирование заработной платы отнюдь не требует ни максимальной производительности, ни сверх нормального внимания к работе, ни какого бы то ни было иного повышенного, сверх допустимого предела, напряжения умственной и физической силы работников. От трудящихся требуется исключительно своевременное и точное исполнение возлагаемых на них поручений. Система заработной платы должна быть направлена к тому, чтобы заставить рабочего или служащего концентрировать свое внимание на исполнении того дела, которое ему поручено. От рабочего-исполнителя требуется всего только применение тех приемов работы, которые ему указывает непосредственно над ним стоящий технический персонал предприятия; от низшего технического персонала

требуется исполнение тех инструкций и строгое ограничение своей деятельности рамками этих инструкций, которые дает ему высший руководящий технический и административный персонал. В этой простой формулировке заключается конечная цель всякой современной организации промышленного предприятия. Забегая вперед, скажем, что в капиталистические времена производственная дисциплина, выраженная в указанных элементарных правилах, замыкается в кругу персонала данного предприятия или данной группы, управляемых акционерным обществом, предприятий. На верхушках пирамиды, в среде руководителей промышленного мира, господствует произвол отдельных властителей орудий производства и финансовых дельцов. В противовес этому, социалистическое хозяйство характеризуется пронизывающей сверху до самого низа идеей железной дисциплины и точного исполнения указаний. Этим, между прочим, об'ясняется тот величайший в современной истории факт, что постановка проблемы организации труда в государственном масштабе и научное практическое разрешение ее оказалось возможным единственно в стране пролетарской диктатуры.

Между идеалом и современным положением организации труда в России лежит огромное расстояние, преодоление которого требует небывало-колоссального напряжения сил рабочего класса. В частности, в каждом предприятии в отдельности легко поддается выяснению как фактическая производительность всего занятого рабочего коллектива и отдельного работника, так и та возможная величина выпуска предприятия и производительности работника, которые обусловливаются техническим состоянием данной хозяйственной единицы. Соответственно существующей между этими предельными точками дистанции конструируются и градации выдаваемой рабочим и служащим заработной платы. В переводе на обыденный язык и несколько вульгаризируя идею, мы могли бы сказать, что мы выдаем высокую заработную плату исключительно за высокую производительность труда: заработная плата определяется производительностью работы.

Такая оплата труда представляет собою не что иное, как поощрительное вознаграждение трудящихся. В тот период, когда руководящие элементы пролетариата только-что начинают овладевать аппаратом производственной жизни, и, что вполне естественно, еще очень мало знакомы с вопросами управления, поощрительное вознаграждение определенно рассчитывает на то, что трудящиеся, из соображений материальной заинтересованности, сами найдут наиболее правильные приемы работы и использования применяющихся приспособлений. Этот закон влияния заработной платы на усовершенствование приемов работы может быть признан нами универсальным. Рабочий, произ-

водящий свою работу по системе сдельной или премиальной оплаты труда, инстинктивно находит пути к наиболее полной эксплоатации станка; он ищет, кроме того, новые приемы употребления инструмента, использует всякие возможности к устранению перерывов в работе и к своевременному получению необходимых для него материалов и инструментов. Более того, связанный в производственном процессе с целым рядом других предшествующих его работе операций, он невольно обращает внимание на деятельность исполнителей этих операций. Таким образом, поощрительная оплата труда в самом зародыше своем несет круговую поруку всего рабочего коллектива предприятия. Наэлектризованные волею наибольшей производительности, атомы рабочего коллектива предприятия достигают высшей продуктивности труда не только каждый в отдельности, но и в общей своей сумме. В самом деле, на основе колоссального будничного опыта ищущих новых методов работы трудящихся-исполнителей, как следствие незаметных маленьких усовершенствований и изобретений, вырастают новые организационные планы административных и технических руководителей. Если к этому присовокупить еще поощрительное вознаграждение самого административного и технического персонала предприятий, именно за успешную работу всей суммы атомов предприятия, то в наших руках окажется могучий рычаг регулирования организующей воли как технического, так и административного таланта. Даже современная безусловно ничтожная практика поощрительной оплаты труда в России дала нам образцы премирования за установку производств и за усовершенствование инструментов и машин. В дальнейшем эта практика имеет все шансы превратиться в централизованное регулирование изобретательности и административного руководства.

III.

Заработная плата, несомненно, оказывает некоторое влияние на общую сумму расходов, которые несет предприятие по производству изготовляемых предметов. Самый размер заработной платы может возрастать не прямо пропорционально количеству прилагаемого труда. Заработная плата может образовать некоторую причудливую кривую по отношению к величинам затрат на материалы, орудия производства и т. п.: изменения переменного капитала подвергаются в этом случае действию иных законов, нежели колебания постоянного капитала. Но оба эти вида прилагаемого капитала входят неразрывными частями в заводскую цену продукта. Колебания переменного капитала оказывают непосредственно влияние на себе

стоимость изготовляемого изделия. В социалистически-организованном хозяйстве между заводской себестоимостью изделия и ценою продукта не лежит, конечно, та глубокая пропасть, которая вырыта между этими величинами борьбою спроса и предложения в капиталистическом обществе. Здесь проблема заводской себестоимости представляет живейший интерес для всего общества в целом, ибо представляет собою задачу экономии общественных сил. Поэтому при разрешении вопросов регулирования заработной платы нам неминуемо придется приступить к отысканию законов соотношения в зависимости заработной платы и цены на изготовляемый продукт.

Стоит только поставить себе эту задачу, чтобы увидеть, что она неразрывно связана с другою, не менее колоссальной. Чтобы определить влияние заработной платы на цену, чтобы найти законы изменения цен, необходимо обладать точным учетом заработной платы и самих заводских цен. Оговоримся здесь, что заводская отчетность интересует нас совершенно независимо от того, существует ли денежное хозяйство, или же оно уже изжито в процессе пролетарской организации производства. Как раз, напротив, именно в социалистически - организованном производстве отчетность предприятий достигает своего апогея, ибо никогда до этого человечество не было более экономным в расходовании своих сил, как в эпоху обобществленного производства.

Доведенная до конца задача заводской отчетности становится молекулярной. Она проникает в цех. Из главной конторы она протягивает свои щупальцы к каждому станку и опутывает сетью цифр каждый атом предприятия. Заводская бухгалтерская отчетность, суммарные сведения о прибыли и убытке, интересовавшие господ акционеров, превращаются теперь в отчетность о производительности каждого рабочего и о технической мощности каждого приспособления. Примитивно - уродливые методы хронометража освобождаются здесь от своей «потогонной» оболочки и превращаются в проблему учета производства. Обществу необходимо учесть не только скорость оборотов шкива, не только мощность доменной печи, ему необходимо количественно измерить требующееся для данной работы напряжение сил работника; ему необходимо классифицировать эти напряжения и оценить каждое из них по отношению к другому. Как бережный хозяин, общество собирает точные сведения о характере приемов работы, о количестве рабочих движений и на основании полученных сведений вырабатывает законы работы, исполнение которых потом и требует от работника. Так возникает техническая квалификация профессий.

IV.

Нам пришлось поневоле кратко коснуться упомянутых выше вопросов и только намекнуть на вытекающие отсюда проблемы нормирования работы, классификации профессий и квалификации труда. Главное достоинство регулирования заработной платы заключается в том, что от стихийных усовершенствований в приемах работы мы имеем возможность перейти к сознательной организации труда в предприятии. В самом деле, в процессе инстинктивных исканий улучшенных методов работы, исходя из чисто материальных соображений, работники (как исполнители, так и руководители) выявляют наружу наиболее рациональные приемы производства и наиболее продуктивные комбинации приспособлений. К этим развивающимся в низах промышленной жизни элементам организации труда, стихийно ищущим связи друг с другом, подходит испытующий аппарат учета производства и заводской отчетности. От взаимодействия этих двух факторов нарождается новая практическая наука—наука о труде. Наиболее живучие, наиболее рациональные приемы работы и методы организации схватываются и об'единяются в комплексы и выдвигаются, как шаблоны и образцы, которыми должны руководствоваться рабочие. Здесь, очевидно, организация труда уже совершенно отрывается от задачи регулирования заработной платы, а следовательно и от капиталистических способов об'единения трудящихся для производства работы. Становится необходимым обратить главное внимание на комбинацию приемов работы, независимо от формы оплаты труда; эти приемы нужно классифицировать и на техническом и на физиологическом фундаменте. Необходимо исследовать те психологические и физические условия, которым должна удовлетворять каждая категория трудящихся соответственно роду работы.

Мы подошли вплотную к вопросу о производственной дисциплине и к задаче подбора рабочих. И на этих задачах нет никакой возможности останавливаться подробнее. Так же, как старая школа классической экономии исследовала функции и свойства «экономического человека», так и теперь встает необходимость отыскания контуров «технически необходимого человека». Эта проблема может быть разрешена только построением новой пролетарской науки о труде. Представляя практически необходимейшие условия для развития производительных сил в периоде пролетарской диктатуры, она теоретически должна опираться на марксистский анализ процесса производства и на современное состояние промышленной технологии. Не касаясь здесь подробно описания основных проблем этой новой науки, мы хотели бы здесь только изложить неизбежность ее возникновения и ближайшие пути ее развития.

Рабочее время в проблеме производительности труда [1]).

I.

Предлагаемая вниманию читателя статья В. Больца [2]) интересна не по своим выводам, а по применяемому методу. Выводы Больца необычайно бедны. При тех статистических ресурсах, которыми он располагает и которые применяет, можно было бы ожидать значительно более широкого размаха мысли и более плодотворных результатов, нежели он на деле обнаруживает. В сущности единственным выводом его статьи является требование отмены 8-часового рабочего дня в Германии. С точки зрения учета развития общественных событий в Германии, этот вывод характеризует необычайную узость взгляда, полное непонимание направления и перспективы событий. Жизнь идет в одном направлении; мысли Больца движутся в противоположном направлении. Он просто повторяет ту же тупую мысль, которую твердят реакционеры всех стран: 8-часовой рабочий день должен быть заменен более долгим.

Но даже и этот грубый, мракобесовский вывод ограничивается им в дальнейшем. Он указывает на то, что для основной группы рабочих, для их производственного ядра, может быть оставлен 8-часовой рабочий день. Что касается удлиненного рабочего дня, Больц предлагает распространить его на кадр вспомогательных рабочих и служащих. С точки зрения поднятия производительности труда этот «практический» вывод не представляет собою ничего ценного и для этого, во всяком случае, не требовалось проводить столь громадную работу исследования и статистической обработки, какую применил Больц. В общем, гора родила мышь! Произведено довольно значительное и интересное статистическое исследование количества рабочего времени в большой группе предприятий, охватывающей, повидимому, свыше 35.000 рабочих; добытый материал подвергнут тщательной статистической обработке и в результате — шаблонные, ставшие уже пошлыми, мысли об упразднении 8-часового рабочего дня для некоторых групп вспомогательного и обслуживающего персонала.

Но, с точки зрения примененного метода, работа Больца представляет интерес, в особенности по отношению к нашим советским

---

[1]) Опубликовано в «Вестнике Труда», ноябрь 1924.

[2]) Ст. В. Больца «Уменьшение производительности и удорожание продукции в германской промышленности» помещена в том же № «Вестника Труда».

условиям. У нас так много говорят о производительности труда, о том, что все элементы трудового процесса должны быть оздоровлены, что, действительно, настала пора подвергнуть более тщательному анализу те проблемы, о которых идет речь. «Производительность труда» и «организация труда» стали притчей во языцех, при чем эти термины употребляются на столь различный лад, что за словами почти совершенно исчезло их содержание. Многочисленные предложения о способах «рационализации», «организации», повышения производительности труда и пр. и пр. оперируют неясными, ставшими уже мистическими, терминами. Рассуждение о труде стало предметом своего рода общественной философии в гораздо большей мере, нежели практически здравого рассуждения. Во всяком случае, в области этих рассуждений мы еще не перешли в сферу действительно научных исследований и переживаем в своем роде богословско-метафизический период.

Но всякая наука становится наукой лишь тогда, когда она применяет математический метод. Только в этом случае выступают наверх, как масляные пятна, ее ошибки и обнаруживается ее истина. Поэтому статистический метод, примененный Больцем, сразу обнаруживает и сильную и слабую стороны его работы. Сильная сторона — это его методология. Тут мы должны у него всячески учиться и делать попытки применения этого метода у нас, в Советской Республике. Слабая сторона — это его выводы. Тут обнаруживается, что буржуазная наука не может делать практических выводов, в особенности в области общественных отношений, даже тогда, когда располагает здоровой методологией.

Работа Больца охватывает собой только одну часть общей проблемы производительности труда: *рабочее время*. Но эта часть является едва ли не самым существенным сектором всей проблемы. Положение Германии и Советской Республики в отношении разрешения этой проблемы принципиально различно. Германия находится в той стадии развития общественных взаимоотношений борющихся классов, в которой неустойчивость рабочего времени становится нормальным явлением. Цифры, приведенные Больцем о забастовках и связанных с ними перерывах в работе, действительно показательны. Но когда Больц перед лицом этих фактов исступленно кричит, что «этого быть не должно», то он, в сущности, повторяет знаменитую народническую формулу: тем хуже для фактов. Вся суть дела заключается в том, что Германия идет навстречу революции. Но, как известно, революции предшествует прелюдия, связанная с многочисленными потрясениями в производственной жизни. Самое главное потрясение еще впереди; оно будет в момент восстания. Лишь после победоносного восстания пролетариата кривая расстройства экономической жизни Германии начнет постепенно опускаться вниз. Бухарин прав, когда

утверждает, что революция невозможна без грандиозного расстройства производительной системы общества. Но Больц не видит, или делает вид, что не видит, грядущей катастрофы. Поэтому, перед лицом урагана он беспомощно твердит заклинания и взывает к старине.

Положение в Советской Республике прямо противоположное. Хозяйственная жизнь страны входит постепенно в свою нормальную колею. Расстройства в производственном процессе все более и более количественно уменьшаются. Поэтому у нас проблемы поднятия производительности труда могут быть поставлены с гораздо большими шансами на успех, нежели в Германии.

Всеобщий интерес, который привлекает эта проблема в Советской Республике, единство подхода, обнаруживающееся у хозяйственных и профессиональных организаций, благоприятное отношение со стороны всей рабочей массы показывают, что этот вопрос у нас может быть решен вполне удовлетворительно.

II.

В частности, вопрос, поднятый Больцем о количестве рабочего времени, приобретает особый интерес. Больц заставляет нас поставить хотя и не всю проблему производительности труда в целом, но часть ее в статистической формулировке. Еще никто в России не задавал себе вопроса: сколько же времени мы работаем? Всем известно лишь, что мы перешли с 10-часового рабочего дня на 8-ми,—а в некоторых отраслях промышленности —на шести и 4-часовой рабочий день. Однако, до сих пор не произведено более или менее точного учета того количества рабочего времени, которое фактически в производстве функционирует, и не дано анализа того, насколько это общее количество рабочего времени связано с процессом восстановления промышленности в целом.

До войны мы были страной, применявшей наиболее длинный рабочий день. Вместе с тем, мы представляли собою также то государство, которое любило чаще праздновать. За счет количества рабочих часов в неделю мы уменьшали число рабочих дней в году. Приводимая ниже справка показывает, что, несмотря на 10-ти и 11-ти часовой рабочий день, мы вовсе не были первой страной по количеству рабочих часов в году (см. табл. стр. 70).

Итак, рабочая неделя была у нас самая длинная; мы оставляли далеко позади себя самые промышленные страны Западной Европы и Америки: Англию и Соед. Штаты.

Но по количеству рабочих часов в году мы шли позади Германии, Австрии, Голландии, Бельгии и Швейцарии. Только на 50 часов в году мы работали больше, нежели Франция, и немногим превышали число рабочих часов Англии и Соединенных Штатов. Однако, достижение среднего количества рабочих часов в году

Рабочее время в странах [1]).

Страны:	Рабоч. дн. в году	Рабоч. час. в недел.	Рабоч. час. в году
Англия	306	56,5-60	2881-3060
Соед. Штаты	308	58,5	3003
Франция	305	60	3050
Швейцария	305	64	3235
Германия	302	65	3259
Австрия	305	66	3355
Голландия	305	66	3355
Бельгия	307	66	3377
Россия	280	67½	3100

еще ничего не говорит относительно правильности использования рабочего времени. В данном случае от перестановки места сомножителей, не меняется только арифметическое произведение, но в значительной мере меняется произведение экономическое. Далеко не одно и то же: иметь 308 рабочих дней в году по 60 часов в неделю или 280 рабочих дней в году по 66 часов в неделю, несмотря на то, что произведения обоих пар сомножителей, примерно, одинаковы. В первом случае мы имеем достаточно беспрерывный процесс производства, обеспеченный сплошным следованием друг за другом рабочих дней недели. Во втором случае, помимо обычных праздников еженедельного отдыха, в производство врываются спорадические перерывы, разбросанные пятнами по всему рабочему году и взрывающие процесс производства. Если бы изображать рабочее время Америки и России кривой линией, то первая дала бы сравнительно сплошную линию, параллельную оси абсцисс, спускающуюся до нуля один раз в неделю (воскресный отдых). Вторая дала бы гораздо большее количество спусков к нулю, которые обозначают для производства довольно большой ущерб. В эти дни приходится снова останавливать и после них разводить паровые котлы, смазывать машины, проводить всякого рода вспомога-

[1]) „Рабочие и служащие Бакинского нефтепром. района", изд. Стат-Бюро Совета С'ездов Нефтепромышленников. Баку, 1908, стр. 100.

тельную работу, которая обычно производится лишь накануне и после праздников. Это требует специальной работы и иногда специального персонала. Нужно упомянуть также, что процесс работы заводского организма, как и отдельного работника, имеет свою инерцию, которую с точки зрения поддержания темпа процесса невыгодно прерывать. Каждый новый праздник, отрывающий человека от работы, заставляет его потом тратить известное время на развитие и доведение до нормы своей работоспособности, св ей рабочей силы [1]). Человеку требуется, даже при самой короткой работе, несколько минут на «установку» организма. Так же, как всякая машина требует до пуска ее в ход приведения ее в работоспособный вид, присвоения ей, так сказать, потенциала работы.

Воскресный отдых—есть необходимый отдых. Он способствует, как и дневной отдых, зарядке организма новым потенциалом, который может превращаться в работу в течение недельного рабочего процесса. Мы до сих пор еще не знаем в точности тех физиологических процессов, которые регулируют накопление потенциала работоспособности в человеческом организме. И, во всяком случае, нам неясны количественные взаимоотношения, которыми, в конечном счете, можно было бы определить пропорцию между числом часов работы и числом часов отдыха.

Все эти вопросы до сей поры регулируются экономическими законами. Эти экономические законы извращаются в буржуазных государствах борьбою классов, при чем, поскольку буржуазия держит власть в своих руках, извращение, в общем и целом, приводит к относительному, т. е. способствующему вырождению рабочей массы, перевесу числа часов работы над количеством часов отдыха. Но и у нас в стране, поскольку нам неизвестны упомянутые законы физиологии, нам приходится руководствоваться экономическими законами.

Постановка вопроса такова: *как найти количество рабочих часов в году, необходимое при данном состоянии производительных сил, для того, чтобы поддержать общее количество продукции народного хозяйства на должном уровне?* Эта постановка звучит правильно и у Больца, но мы видели, что он делает совершенно несуразные выводы.

Пусть будет обозначено число рабочих часов в день = x, а число рабочих дней в году = y.

Тогда T = x. y составит общее количество рабочих дней в году, рабочий год, формальную, чисто арифметическую величину *массы рабочего времени*. Задача сводится к тому, чтобы при данной ступени развития производительных сил, т. е. при данной

---

[1]) Под рабочей силой Маркс понимал не труд и не носителя рабочей силы, человека, а «возможность» работы (« Arbeitsfermoegen »), т.-е. тот потенциал, который заложен в обученном здоровом работнике.

средней умелости (квалификации) работников и состояния технического оборудования, величина Т соответствовала общему выпуску продукции, на которую может рассчитывать страна.

Вопрос об удешевлении продукции поглощается этой общей постановкой проблемы. Ибо, что такое удешевление производственной цены продукта, как не уменьшение количества рабочего времени, потребного на его изготовление? Если масса выпускаемого за год общественного продукта («Годовой Продукт»—К. Маркса) не изменяется, но при этом увеличивается Т, израсходованное за тот же год,— мы имеем дело с удорожанием производственной цены продукта. Обратно, если при неизменном годовом продукте уменьшилось Т, налицо удешевление производственной цены продукта.

Продолжая приведенные варианты, упомянем: если при неизменном Т уменьшилась масса продукта,—производственная цена последнего увеличилась. Если же при этом количество годового продукта увеличилось—его производственная цена уменьшилась. Вообще, стало быть, производственная цена продукта прямо пропорциональна количеству затраченного на его производство рабочего времени. Иначе говоря, математически и экономически проблема увеличения продуктивности труда и удешевления продукции приводятся друг к другу, поскольку мы оперируем двумя элементами—рабочим временем и общественным продуктом. Разрешение одной проблемы есть вместе с тем и решение другой проблемы. Поэтому В. Больц неправ, когда подразделяет свою задачу на две части: 1) уменьшение производительности и 2) удорожание продукции. Тут сказывается просто недостаток обобщения.

Проблема годового рабочего времени (Т) есть чрезвычайно сложная теоретическая и практическая проблема. Выше уже было сказано, что оно представляет собою не только математическое произведение числа рабочих дней на число рабочих часов, но и некоторую экономическую функцию. Поэтому математические выкладки должны тут подчиняться экономическому анализу. Лишь в этом случае математика соблюдет законы диалектики.

III.

Количество рабочих часов в день установлено у нас законом в размере 8 часов. Для некоторых профессий эта величина понижена до 6 и до 4-х часов. Однако, на основании этих цифр никак нельзя судить о действительной величине х, т. е. о действительно прорабатываемых часах рабочего дня. Для этого нужно произвести исследование, не менее тщательное, нежели то, которое произвел Больц. Нужно выбрать группу наиболее характерных заводов и проследить на них изо дня в день, как проводится рабочее время

в предприятии. Известно, что по закону «допускаются», без опасения репрессий, опоздания на 10 мин. после официального начала работ. Но не превратились ли эти 10 мин. в легальное опоздание большинства работников предприятия? Иными словами, не уменьшился ли у нас рабочий день на 10 мин., по крайней мере, из-за этого формального разрешения опаздывать?

Надо отметить, что в это время котлы находятся под парами, паровая машина и трансмиссии работают в холостую. Чем более отстало техническое оборудование предприятия, тем выше в этом случае его убытки, ибо всем известно, что отсталое оборудование страдает низким коэффициентом отдачи (полезного действия) и при холостом ходе теряет больше силы, чем оборудование хорошее. Так как, по сравнению с Германией, мы технически отсталая страна, то «борьба за 10 мин.» приобретает тем более реальный характер.

Но только ли 10 мин.? Они ведь имеют место и после обеденного перерыва. Далее, закон разрешает мыть руки за 15 мин. до перерыва и до окончания работ. Это означает — $2 \times 15 = 30$ м. Итак, всего легальное уменьшение рабочего дня в СССР составляет: $(2 \times 10) + (2 \times 15) = 50$ минут в день,

а рабочий день равен, следовательно, 7 час. 10 минутам.

К сожалению, можно только догадываться о действительной величине рабочего дня, ибо обследование наподобие того, которое произвел Больц, у нас не произведено. Однако, на основании многочисленных наблюдений и сообщений, можно с уверенностью сказать, что формальная величина рабочего дня в СССР, во всяком случае, не превышает 7 час. 10 мин.

Теперь мы снова должны несколько отвлечь читателя в область теории, чтобы выяснить, почему расчет количества рабочих часов в день представляет для нас реальный интерес. Известно, что величина x может быть уменьшена без уменьшения производительности труда. Но при каких условиях и с какими следствиями?

Когда рабочий день был равен 10 час., наша партия всегда указывала на то, что введение 8-часового рабочего дня отнюдь не может обозначать понижения производительности труда. Предполагалось, что за 8 час. можно произвести столько же работы, сколько и за 10 час. Конечно, речь идет о сравнительно продолжительных промежутках времени, при которых возможно произвести статистическое сопоставление. Теперь мы в праве спросить: *использовали ли мы в СССР переход на 8-часовой рабочий день для сохранения прежней производительности?* Сумели ли мы добиться выполнения обоих частей двухстороннего лозунга о 8-часовом рабочем дне: уменьшение утомления при сохранении производительности?

Физиологически и экспериментально доказано, что сохранение (и даже увеличение) производительности при сокращении рабочего дня вполне мыслимо. Стало быть x может быть уменьшаем без изменения дневной выработки. Это не математический парадокс, так как x, как количество рабочих часов, является не единственным корнем, от которого зависит функция—производительность труда.

Однако, x не может быть уменьшен до безграничности (при прочих равных условиях). Сокращая рабочий день с 10 на 8, мы внедряем в производство освеженную рабочую силу, т. е. более высокий потенциал рабочей энергии. Разумеется, величина этого потенциала вовсе не окончательно зависит от сокращения, как и от роста, числа часов работы. Если человек обладает, как известно, мощностью в 1/10 лошадиной силы, то от уменьшения его рабочего дня в 4 раза его мощность в секунду не увеличится до 0,25 лошадиной силы, и производимая за день работа увеличится далеко не пропорционально сокращению рабочего дня.

Далее, громадную роль играет *порядок* превращения потенциала рабочей энергии в кинетическую. При преувеличенном рабочем дне это превращение проходит скачкообразно. Это значит, что рабочий вынужден вследствие переутомления производить перерывы в работе, кратковременные отдыхи за куревом, разговоры с соседом и пр. Эти перерывы легко обнаружить хронометром, но не им они искореняются. Хотя при этом расходуется весь потенциал рабочей энергии, экономически такой порядок его расходования не выгоден (не говоря уже о задаче сохранения здоровья работника). Дело в том, что во время этих вынужденных перерывов не останавливаются ведь паровые котлы, машины и вспомогательное оборудование. Вследствие этого происходит громадный перерасход топлива и энергии.

Предприятие — это громадная машина, или, вернее, комплекс машин. Задача производительности труда, поскольку мы говорим о живом труде и оставляем пока в стороне вопрос переоборудования и перестройки заводов, сводится к тому, чтобы этот комплекс машин и комплекс живой рабочей силы *работали синхронно, одним и тем же темпом.*

Работа и отдых одних и других должны совпадать во времени. (Пространственная связь является условием работы). Более того, рост нагрузки одних должен совпадать с ростом нагрузки других, т. е. темп работы должен быть одинаков.

Когда в производство вступает свежая рабочая сила, что имеет место при переходе с 10 на 8-часовой рабочий день, приведенные выше требования легче выполнимы, чем при 10-ти часовом рабочем дне. Конечно, 8 часов работы — не мистическая цифра, и быть может, в некоторых случаях уменьшение его может

еще более благоприятно действовать на функционирование рабочей силы. Но, в общем, дальнейшее чрезмерное уменьшение рабочего дня может привести к тому, что не весь потенциал рабочей энергии превращается в кинетическую. Рабочая сила не используется полностью.

Итак, есть пределы уменьшения x — числа рабочих часов в день, точно так же, как есть предел их увеличения. В высшей степени важно отметить, что этот предел уменьшения в нашей республике уже достигнут и даже зачастую перейден.

За границей спор о 8-часовом рабочем дне стоит совсем в иной плоскости, нежели у нас. Больц не приходит к нашим выводам об использовании 8-часового рабочего дня. Он борется против последнего. Вообще вся предпринимательская пресса ведет отчаянную борьбу против 8-часового рабочего дня. Как известно, эта борьба проходит не без успеха. Для того, чтобы добиться последнего и создать видимость экономической базы для отмены 8-часового рабочего дня, предпринимателям приходится доказывать, что 8-часовой рабочий день оказался менее производительным, нежели удлиненный. Герц и Зайдель оспаривают эти выводы в своей брошюре «Заработная плата, рабочее время и производительность труда». Они приводят факты, из которых видно, что переход на 8-часовой рабочий день не уменьшил, а в некоторых случаях даже увеличил производительность труда, конечно, при прочих равных условиях.

Отто Липман собрал громадный материал преимущественно анкетного характера и задумал разрешить спор о производительности 8-ми часового рабочего дня «об'ективно», т. е. независимо от заинтересованности борющихся сторон [1]). Конечно, из этого ничего не вышло. Почти все предпринимательские организации дали резко отрицательную характеристику 8-часового рабочего дня, в то время как рабочие организации высказались как раз в противоположном смысле.

Поэтому и сам автор никаких выводов практического характера не в состоянии предложить.

У нас вряд ли возможны споры на эту тему. Понижение производительности вследствие перехода на 8-часовой рабочий день легализовано коллективными договорами. Один час современного труда приравнивается к одному часу труда довоенного. Следовательно, при 8-часовом труде устанавливается $8/10 = 80\%$ довоенной выработки и то лишь в том случае, когда Р.К.К. или заводоуправление применяет достаточно жесткие меры. Во многих случаях достижение довоенной часовой произво-

---

[1]) Отто Липман. «Das Arbeitszeitproblem». Berlin 1924 г. Литографированное издание. Там же сделана попытка теоретического рассмотрения рабочего дня с точки зрения явлений утомления.

дительности, т. е. 80% довоенной фактической дневной выработки, считается идеалом организации труда, и когда это имеет место, заводоуправление вместе с союзом пишут победные реляции. Характерный пример легализации пониженных норм производительности дает строительный промысел, где довоенная дневная выработка по Урочному Положению делится на 1,25, т. е. 10-часовая выработка формально понижается на 20%. Даже наилучшие в смысле организации заводы считаются с этой легализацией понижения [1]).

Понятно, почему нам приходится в этих условиях быть столь внимательными к 10-минутным потерям времени на предприятиях. «Если двенадцать тысяч служащих,—говорит выдающийся промышленный организатор современности, Генри Форд,— сберегут каждый ежедневно по десять шагов, то получится экономия пространства и силы в пятьдесят миль». Сколько раз по пятьдесят миль «пространства и силы», выраженных в общественном продукте, теряем мы в нашей советской стране ежедневно! Кто это считал и кто этим интересовался? К сожалению, — никто. Преступно-легкомысленная трата драгоценнейшего рабочего времени происходит ежеминутно на глазах у всех и ни у кого не вызывает содрогания.

IV.

Вернемся теперь снова к вопросу о количестве рабочих дней в году. Больц ставит этот вопрос со свойственной ему откровенностью. В социальном отношении и применительно к Германии его выводы очень неутешительны. Он показывает, как уменьшается в Германии рабочий год вследствие увеличившихся нормальных отпусков, отпусков по болезни и забастовок. Интересно действие последней причины. Тут со всей яркостью обнаруживается выше высказанное положение о том, что Германия идет навстречу революции. Наибольшим упорством, сплоченностью и массой вовлеченных рабочих характеризуются те забастовки, которые были об'явлены коммунистами. В то время как, в знак протеста против убийства Эрцбергера, предприятия обследованного Больцем концерна не работали всего 1 час, а по случаю убийства Ратенау 3½ часа, забастовка из-за Капповского путча продолжалась 8 дней; в этой забастовке принимало участие 30.000 чел., а об'явленная коммунистами всеобщая забастовка 9 — 14 августа 1923 г. привлекла максимальное количество участников—32.084 чел. Эта цифра является рекордной во всей таблице Больца. Вообще поли-

[1]) Ср. по этому поводу главу „Нот в современности“, где приведены данные об установлении норм выработки на зав. имени Макса Гельца (б. Семенова) в Ленинграде.

тический анализ упомянутой таблицы лучше всего характеризует громадное влияние коммунистической партии в массе немецких рабочих.

Что касается отпусков, то при чтении данных Больца невольно напрашиваются сопоставления с СССР. Довоенные отпуска на предприятиях концерна были до смешного ничтожны. В 1907 г. пользовались отпуском лишь 1400 мужчин и 99 женщин при общем количестве первых—9694 чел. и вторых—4259 чел. Отпуска разрешались лишь тем мужчинам, кои достигли 30-летнего возраста и проработали на предприятиях концерна не менее 8 лет и работницам, достигшим 25-летнего возраста со стажем службы в концерне свыше 5 лет. «Необходимо заметить,—скромно заявляет Больц, — что фирма с давних пор ценила (!) деловитость работников, и приведенные цифры служили лишь правилом, от которого бывали частые случаи отклонения вверх». Упомянутым, заслужившим отдых лицам предоставлялся 6-дневный отпуск в год.

Революция 1918 г. внесла изменения в эту систему; но хотя Больц и сообщает о них с ужасом, тем не менее они очень скромны. В 1922 г. максимальный годовой отпуск составлял 9 дней и разрешался лицам, прослужившим на предприятиях концерна свыше 25 лет. Минимальный отпуск составлял 3 дня и разрешался тем, кто проработал от ½ до 1 года в концерне. Среднее количество потерянных из-за отпусков рабочих дней на человека равнялось в 1922 году—5-ти. В 1907 году оно составляло 0,86 дня на рабочего и 0,139 на работницу. В 1917 году оно составляло 0,63 дня.

Обратимся теперь к СССР. Согласно кодекса законов о труде (ст. 114), «всем лицам, работающим по найму, проработавшим не менее 5½ мес., предоставляется один раз в году очередной отпуск не менее 2-х недель». Для лиц, не достигших 18-летнего возраста, та же статья предписывает месячный отпуск. Ст. 115 кодекса предписывает дополнительные 2-х недельные отпуска для лиц, занятых в «особо вредных и опасных предприятиях». Ст. 117 разрешает пользоваться отпуском в течение всего года с тем, чтобы не «нарушать нормального хода работ в предприятиях, учреждениях и хозяйствах». Ст. 119 устанавливает, что отпуска, разрешаемые вследствие болезни трудящегося или материнства, не входят ни в счет очередных, ни в счет дополнительных отпусков. И, наконец, 120 ст. предписывает увеличить вдвое отпуск в том случае, если в предыдущем году трудящийся не мог использовать отпуска не по своей вине. Более точного определения последней причины в кодексе не дается.

Такова схема законодательства об отпусках. Присовокупим, что двухнедельный очередной отпуск предоставляется всем. про-

работавшим свыше 5½ месяцев, независимо от перемены места работы. Следовательно, связь с данным учреждением или предприятием, проводимая немецкими законами, не является здесь обязательной.

Характер отпусков в производственных предприятиях в значительной мере определяется сельско-хозяйственным укладом нашей страны. На многих предприятиях рабочие уходили и в мирное время в деревню на полевые работы, в особенности в страду, когда ощущался острый недостаток рабочих рук на селе. Июль и, примерно, половина августа были всегда «тихими» месяцами работы наших фабрик и заводов, вследствие отлива рабочей силы. Получался как бы естественный месячный отпуск, который, разумеется, никогда не оплачивался предприятием.

Этот месячный отпуск существует на деле и теперь. Даже в наиболее промышленных центрах страны: в Московском и Ленинградском районах в летние месяцы фабрики закрываются на месяц, в лучшем случае на три недели. К этому времени приурочиваются отпуска всем рабочим и работницам предприятия, за исключением небольшой группы ремонтного персонала и сторожей. Администрация обыкновенно пользуется, как и в старину, этим «мертвым часом» предприятия для приведения его в порядок, ремонта, чистки и т. п. Затем по истечении отпускного периода начинают постепенно прибывать рабочие. Две недели (за исключением «опасных» и «вредных» производств) оплачиваются за счет предприятия. Остальные 2—3, а иногда и 4 недели, в зависимости от расстояния деревни от фабрики, характера полевых работ, состояния рабочей силы в деревне и проч., используются работником за свой счет. Фабрика начинает постепенно оживать, но далеко не сразу. Чувствуется недостаток (запаздывающих) рабочих, невольно имеют место остановки или задержки в производстве; у рабочих не восстановился еще, вследствие резкого перехода с сельско-хозяйственных работ к фабричному труду, «аппетит» к работе, т. е. еще не выработалась та инерция работы, «установка», о которой было упомянуто выше. Не может быть, конечно, и речи о соблюдении ст. 117 Трудового Кодекса о ненарушении «нормального хода работ в предприятиях, учреждениях и хозяйствах». Практически и технически эта статья невыполнима. На деле в громадной массе случаев имеет место массовый отпуск рабочих на полевые работы с закрытием предприятия и с оплатой за счет последнего (т. е., иначе говоря, за счет государства) половины или большей части отпуска.

Увязав проблему отпусков с общим распределением праздничных дней, получаем картину годового рабочего времени в СССР. Правительством установлено 18 дней отдыха в год (8 общегосударственных и 10 местных праздников), из которых, впрочем,

один день по большей части выпадает календарно на воскресенье, вследствие чего мы дальше будем принимать цифру—17. Кроме того,—52 воскресенья и 12 дней отпуска [1]). Итак, всего:

Дней праздничных и отдыха	17
Воскресных	52
Отпуска обычные	12
Итого. . . .	81 день.

Рабочих дней: 365 — 81 = 284. Можно, однако, смело утверждать, что ни одно предприятие не располагает на деле этим количеством рабочих дней. Выше уже было упомянуто, что период отпусков нужно считать никак не меньше 3-х недель = 18 дн. (21 — 3 воскресных дня). Далее на сцену выступают религиозные праздники. Десять дней «местных» праздников не охватывают всех освященных традицией праздников. Вследствие этого, число праздников на деле увеличивается. Наконец, как бы ни было неблагоприятным влияние религии на производственную жизнь, переходный период ее изживания отражается на производстве еще неблагоприятнее. Разделение церквей на секты и борьба за влияние на умы рабочих и работниц привели к тому, что зачастую часть предприятия празднует один какой-либо день, а другая часть празднует в честь того же святого—другой день. Конечно,— это необходимые издержки освобождения народной массы от религиозного дурмана и нам нужно их нести, чтобы освободиться от мистических оков божества, но самый факт, здесь упоминаемый, не следует обходить молчанием и, где возможно, нужно с ним бороться.

Напомним, что общее количество рабочих дней при царизме равнялось 280 в год. Мы видим, что реальная величина современного рабочего года отнюдь не выше и колеблется, примерно, около той же высоты.

На диаграмме (стр. 81) расположено движение идеального недельного рабочего времени промышленного предприятия в 1924 г. в СССР. Предположено, что, кроме обычного двухнедельного отпуска (показанного на диаграмме в июле месяце), никаких прогулов предприятие не испытывает. Общее число рабочих дней года принято равным 284, согласно приведенного выше расчета. Расположение нерабочих дней принято на основании действующих в Москве предписаний центральной и местной власти.

---

[1]) Так как закон предписывает 2 недельный отпуск = 14 дням, то среди них всегда имеются 2 воскресных дня, которые уже вошли в число 52-х воскрес.

На деле, рабочий год значительно меньше показанного на диаграмме идеального расположения. Мы уже видели, что по данным ЦСУ на одного рабочего в фабрично-заводской промышленности приходилось в 1923 г. дней 260,7 фактической работы.

Остальное время распределяется по данным ЦСУ следующим образом. (в 1923 г.) [1])

Простой	Праздничн. отдых.	Работа в организац.	Очередн. отпуска	Болезн. роды и отп. по болезн.	Прогулы уважит.	Прогулы неуважит.	ВСЕГО
1,9	61,1	1,5	12,5	14,1	3,6	9,6	104,3

[1]) Нужно, однако, тут же отметить две ошибки ЦСУ. На стр. 179 Справочника „число рабочих дней—по календарю“ принято на 1923 равным 298. В самом же деле оно составляло 286, т. к. ЦСУ упускает из виду двухнедельный отпуск. Напомним, что в 1923 г. еще не были об'явлены днями отдыха 21 января—день траура по т. Ленине и 6 июля—принятие конституции СССР. 286 дн. + 12 = 298, — цифре ЦСУ.

Но дальше—дело обстоит хуже. ЦСУ хочет найти число пропусков не по вине администрации. Для этого с 104,3 дней оно сбрасывает 63 дня = (1,9 + 61,1). Тогда, по терминологии ЦСУ, „Итого пропущено“ 41,3 дня. Теперь сложим:

$$260{,}7 + 41{,}3 = 302{,}0$$

Т. е. выходит, будто в 1923 г. было 302 рабочих дня, что уже совсем неверно и не совпадает даже с данными следующей страницы Справочника (298 дней).

Здесь ошибка находится слишком глубоко и мы можем лишь указать ее причины. Примем с ЦСУ рабочий год 1923 равным 298 дням. Если простойные дни не относить (как это и следует делать) к вине рабочих, то рабочий год нужно уменьшить на 1,9, т. е. принять равным 296,1 дня. Сбрасывая фактически проработанное время, имеем:

$$296{,}1 - 260{,}7 = 35{,}4,$$

чему равно количество дней, пропущенных по вине рабочих. Между тем у ЦСУ получилось 41,3 дня, т.-е. разница в 5,9 дня. Откуда же эти 5,9 дня похищены? Оказывается из рубрики: „Праздники и отдыхи“! В самом деле: в 1923 г. было, как во всяком благочестивом году., 52 воскр. дня; кроме того 6 общегосударственных и 10 местных дней отдыха.

Всего—16 дней. Так как из них один день выпал на воскресенье, то имеем 15 дней отдыха. Теперь сложим:

$$52 \text{ воскр.} + 15 \text{ празд.} = 67 \text{ дней отдыха.}$$

А у ЦСУ вышло 61,1 дня. Простое вычитание показывает, что ошибка целиком перекрывается:

$$67{,}0 - 61{,}1 = 5{,}9 \text{ дня.}$$

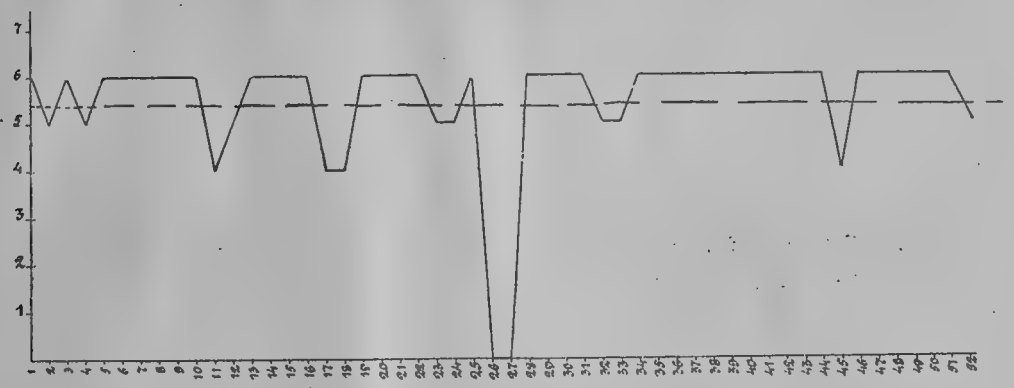
Как видим, тут ошибка в пределах первых четырех действий.

Не мешало бы ЦСУ тщательней проверять свои подсчеты, ибо такие арифметические ошибки непростительны даже статистикам.

Однако, по каким рубрикам ЦСУ рассортировало эти 5,9 дня, арифметически установить невозможно. Для этого нужно заново проверить весь статистический материал.

Как видит читатель, кроме обычных воскресных перерывов, кривая показывает в году еще 9 спусков, из которых один спуск до нуля. Однако, каждый спуск вообще означает перерыв в производстве, дополнительный к воскресному перерыву, так как на оси абсцисс отложены не отдельные дни, а недели:

Рабочее время 1924 г. (по неделям).



Выше мы приняли, что годовое рабочее время T = x.y, числу рабочих часов в день, умноженному на количество рабочих дней в году. Диаграмма представляет собою движение рабочих дней года — y в неделях. С точки зрения беспрерывности производственного процесса идеальным было бы, чтобы y = 365 дней, а кривая по нашей диаграмме двигалась бы параллельно оси по линии—7.

При данной ступени технической культуры общества и при данной средней работоспособности и квалификации работников, масса общественного продукта, вырабатываемого в течение года (годовой продукт — P) зависит от годового рабочего времени.

$$P = f\ (T)$$

Так как T в свою очередь равно x. y, то:

$$P = f\ (x.y).$$

Выше мы видели как отражается колебание x на величине общественного продукта. Выяснилось, что x имеет свои пределы, как максимальные, так и минимальные. Исследование влияния сокращенного рабочего времени на развитие производства приводит к установлению законодательным путем определенной величины рабочего дня в промышленности. Принимая теперь рабочий день за известную величину и приравнивая его к a, упрощаем нашу формулу до:

$$P = a.\ f\ (y).$$

Откуда имеем, что P достигает своего максимума в том случае, когда:

$$f'(y) = 0.$$

Обратимся теперь снова к диаграмме. Рабочее время расположено по числу дней в неделе. Общее число рабочих дней принято за 284; календарный 1924 г. = 366 дням. Следовательно, среднее количество рабочих дней, падающее на неделю, *средняя рабочая неделя* (T_1) =

$$\frac{(284 : 7 + 2)}{366} = 5{,}44 \text{ дня.}$$

Эта средняя показана пунктиром. Она идет параллельно оси абсцисс. Ясно, что эта прямая и будет соответствовать максимуму производительности, так как именно здесь прирост ординат постоянно равен нулю.

Этот арифметический вывод мы могли бы выразить так: *если средняя рабочая неделя равна 5,4* [1]*) дня, то максимальная производительность может быть достигнута при прочих равных условиях в том случае, когда эта средняя будет фактической рабочей неделей.* Для производства выгоднее, следовательно, функционировать 284 дня сряду, нежели то же число дней на протяжении целого календарного года, ибо в этом случае достигается та беспрерывность процесса труда, положительное влияние которой на производительность было показано выше.

---

[1]) Мы видели, что для 1923 г. фактически — 260,7 : 52, т. е. примерно 5,0 дней.

Дисциплина труда [1]).

Понятие «трудовой дисциплины» или дисциплины производства до последнего времени не имеет установившегося об'ективного содержания. В то время как в головах одних представление о трудовой дисциплине сочетается, под влиянием злободневных дискуссий, с казарменным «режимом» и «палочным» воздействием на трудящихся,— в представлении их противников трудовая дисциплина переплетается иногда с вдохновенно-радостным возбуждением работников на острове Утопии. Трудовая дисциплина стала понятием, относимым к области моральных взаимоотношений, и представители различных взглядов оценивают ее именно в этой плоскости с различных точек зрения, то—полностью признавая или отвергая ее, или — корректируя ее различными изменениями. Между тем, дисциплина, проявляемая трудящимися в процессе работы, определяется прежде всего той связью, которая существует между ними и техническими свойствами работы.

Какова бы ни была работа, производимая человеком, независимо от конкретных технических и социальных условий, в которых она производится, она представляет собою некоторый процесс, который можно охарактеризовать, как комплекс усилий человека. Этот комплекс усилий меняется в зависимости от целей работы, в зависимости от техники ее и видоизменяется на протяжении тысячелетий, но в основе своей остается неизменным. Мы не имеем точного представления о той хозяйственной жизни, которую вел человек до социального периода своего существования. Очень возможно даже, что за этот период никакой хозяйственной деятельности, в собственном смысле слова, не было. Но независимо от того, прав ли К. Бюхер, выдвинувший теорию «индивидуального искания пищи», теоретически говоря, даже при существовании такого периода индивидуального хозяйства, работа человека, будет ли она направлена к удовлетворению его непосредственных потребностей, или же будет являться его первичными стремлениями к художественным достижениям,— и в том, и в другом случае она выражается в различных комбинированных комплексах усилий первобытного человека. Поскольку изменчивы, разнообразны и случайны условия добывания пищи, и вообще, существования первобытного человека, постольку же крайне разнообразна и сложна картина меняющихся

[1]) «Вестник Труда», 1921 г., № 1—2.

комплексов. В этот период каждый дикарь имел свою собственную заботу: никаких обязательств по отношению к другим лицам он не мог иметь по той простой причине, что больше ни с кем совместной хозяйственной жизни не вел.

Однако и в это время первоначальное стремление к успеху дела должно было, кажется, вызывать естественное приспособление напряжений человеческого организма в процессе «работы». И если какая либо работа, т. е., вернее, об'ект ее и способ ее производства повторялись более одного раза, то можно предположить, что, вследствие природной приспособляемости, человек должен был бы выявить повторяющиеся более или менее единообразные комплексы усилий. Таким образом, уже на этой самой ранней стадии, может быть, никогда не существовавшей и только теоретически представляемой, можно представить себе, в случаях повторения работы, сумму обязательств, или обязательных напряжений, диктуемых самой техникой производства работы (рабочий комплекс). В социальном периоде человеческого существования, когда человеческие потребности оформились во много больше и отчасти даже закостенели, — соответственно и техника работ и об'ект ее принимают более постоянную форму. Достаточно упомянуть, что, например, примитивные способы добывания огня посредством трения сопровождают человека на протяжении многих тысячелетий. В этих условиях и хозяйственная деятельность, и хозяйственные усилия человека приобретают более определенные и постоянные формы, налагая на каждого работника определенные обязательства по отношению к производимой работе. Рабочий комплекс кристаллизуется.

К. Бюхер различает три формы совместной работы людей, развившиеся до современного машинного способа производства. Первая форма — «работа в компании», при которой каждый работник исполняет, в сущности говоря, совершенно независимую от других лиц работу. Его соединяет с остальными товарищами «исключительная цель — быть в компании во время работы, говорить, шутить, петь и не оставаться со своими мыслями наедине» [1]). Вторая форма — «работа скопом», при которой каждый работник хотя и производит самостоятельную работу, но, тем не менее, все же результат деятельности — общий у всех работников, и каждый из них в отдельности не мог бы сам по себе исполнить этой работы. Эта работа, при которой один работник зависит от остальных, выражается в «приложении нескольких однородных рабочих сил для выполнения единой трудовой задачи, например для нагрузки большой тяжести, передвигания бревна,

---

[1]) К. Бюхер. «Возникновение народного хозяйства», стр. 190.

покоса луга, погони во время охоты» [1]). Третья форма — так называемая «групповая работа»,— наиболее совершенная комбинация человеческих усилий в домашний период. Уборка сена с поля, сноповязальные работы, кузнечное и канатное дело — таковы наиболее яркие иллюстрации, приводимые Бюхером для этой третьей формы совместной работы [2]).

Во всех этих формах и в их более детальных разветвлениях, помимо изменяющихся социальных обстоятельств производства работы, мы сталкиваемся с более или менее определившейся техникой ее. Работа в компании—наиболее характерный пример того, как комплекс усилий человека определяется в меньшей мере его взаимоотношениями во время работы с его сотоварищами, нежели об'ектом и орудиями производства работы. Работа в компании может быть принята нами, как наиболее чистый образец *преимущественно-технического происхождения рабочего комплекса.* Что же собою представляет этот комплекс усилий, постоянно возобновляющийся при повторении работы в одной и той же форме? Нарушение одного какого-либо элемента в этом комплексе, внезапный разнобой, замена нескольких элементов усилий или всего его какими-либо другими элементами, или другим комплексом, внесение в комплекс новых, до сих пор неприменявшихся, элементов может коренным образом изменить результат работы и привести либо к наиболее скорому и целесообразному ее завершению, либо, напротив того, в зависимости от характера перемены, к неблагополучным и даже катастрофическим результатам. *Рабочий комплекс—это сумма обязательств технического, в данном случае, происхождения, принимаемых на себя человеком, и необходимых для успешного завершения работы.* Иначе говоря, этот комплекс усилий есть «дисциплина труда», которую должен выявить человек, вследствие требований, пред'являемых к нему техническими условиями работы.

Работа скопом — в этом случае дисциплина труда, как сумма технических обязательств, отнюдь не перестает существовать. Комплекс усилий, применяемых во время покоса, при передвигании бревна или охоты, выливается в своеобразные формы, которые являются обязательными во всякое время повторения данных работ. Таким образом, техническая дисциплина труда имеется налицо и на этой стадии совместной работы людей. Она только осложнена некоторыми другими моментами, дополняющими ее и вследствие этого делающими ее более многосторонней. В этом случае, помимо технической дисциплины, т. е. суммы обязательств, определяемых об'ективными, материальными условиями

---

[1]) К. Бюхер. «Возникновение народного хозяйства», стр. 193.
[2]) Там же, стр. 200.

работы, перед нами налицо и некоторые *взаимные обязательства, вытекающие из совместной работы людей, как контрагентов.*

Групповая работа представляет собою уже более сложную форму сочетания технической дисциплины с обязательствами людей, вытекающими из их технико-производственных взаимоотношений. Однако, и в этом случае основою и условием дисциплины социальной, если можно так ее назвать, является дисциплина, определяемая материальными условиями работы.

Таким образом, во всех трех формах работы, существовавших до машинного периода, мы наблюдаем существование технической дисциплины, которая, изменяясь в зависимости от способа производства, все же определяет собой человеческие усилия. В большей мере при групповой работе и работе скопом и в меньшей мере при работе в компании, техническая дисциплина осложняется некоторыми новыми моментами, вытекающими из взаимной зависимости в работе целой группы людей. Рабочий комплекс, определяющийся мертвыми, внешними условиями работы, осложняется новыми добавочными обязательствами, выраженными в физических или психических напряжениях, направленных к координации своей работы с работою контрагентов. Мы будем называть этот новый комплекс усилий, в дополнение к предыдущему, — «*социально-технической дисциплиной труда*». Она является также необходимой для успешного производства работ, как и дисциплина техническая. Если представить себе, что в какой бы то ни было работе, в которой участвуют больше одного человека, некоторые из них позабыли о своих обязанностях и исполняют вместо прямо назначенных им функций другую работу, то в этом случае никакое успешное достижение цели оказалось бы немыслимым. На этом примере разрушения социально-технической дисциплины, при котором люди перестали взаимно понимать друг друга в процессе работы, основана библейская легенда о Вавилонской башне.

Машинное производство не внесло ничего принципиально нового в эти взаимоотношения между человеком и природой и человека с человеком в процессе производственной деятельности, хотя, само собою разумеется, до крайности изменило конкретную картину технической и социально-технической дисциплины. Точно так же и изменения различных социальных режимов, имевших место на протяжении истории, только видоизменяли самые формы дисциплины труда, накладывая на них свой политический отпечаток.

Переход от одного способа производства к другому способу сопровождается, конечно, и радикальной переменой в формах технической и социально-технической дисциплины. Эта резкость перехода сглаживается постепенностью экономических переворотов, медленным наслаиванием одного нововведения на другое и неза-

метным вырастанием новых производственно-технических отношений. Но именно в силу этого, так как на ряду с появляющимися новыми формами и способами производства остаются и лишь постепенно вымирают способы производства старые, *самый процесс приспособления людей к новым формам трудовой дисциплины оказывается неизбежно скачкообразным и болезненным.* Для наиболее резкого в современных условиях примера представим себе приспособление земледельца к условиям заводской работы. В земледельческом хозяйстве работа на открытом воздухе, наблюдение за лошадью, ходьба по полю, ручная работа, требующая напряжения чуть ли не всех мышц человеческого организма; на заводе— кардинально иная картина: замкнутое ограниченное помещение, постоянное упорное наблюдение за самодвижущимся механизмом станка, однообразное усилие одних и тех же мышц. Анализируя труд заводского рабочего, Аббе делает следующее замечание:

«Для всего, что отличает нашу промышленную работу от других областей работы, является характерной одна общая примета, могущая быть обозначенной словом: «действия разделения труда». Именно: постоянно и ежедневно однообразно повторяющаяся работа, как в количественном, так и в качественном отношении, постоянно повторяющаяся односторонность, с которой производится упомянутая работа, вызывающая изо дня в день того же рода напряжение, утомляющее те же группы мускулов; требующая однородного положения тела и одной известной группы действия и отдельных движений. Все это в противоположность к разнородным занятиям, связанными с известным ремеслом в древние времена, когда подмастерье должен был производить разнородные действия, чтобы из сырья получить готовый продукт; также и в противоположность земледельческой работе, в которой многое зависит от погоды, и сегодня требуется одна, а завтра совершенно другая работа.

Я повторяю, это разделение труда, которое как бы является предпосылкой для всех технических успехов за последние десятки лет, и которое уже не может быть отменено, хотя действие его во многих отношениях и нежелательно,— это разделение труда накладывает свою особую печать на промышленную работу в смысле однообразного использования человека. С этим однообразием и постоянно повторяющейся монотонностью сопряжено постоянное утомление все одних и тех же органов, тех же групп мускулов, тех же нервных центров, тех же центров мозга, в виду того, что все действия, состоят ли они из мускульной или из умственной работы, повторяются в том же роде с утра до вечера, еженедельно, ежедневно» [1]).

[1]) Abbe Ernst. « Gesammelte Abhandlungen ». Bd III, S. 225.

Работник-земледелец попадает вследствие простой территориальной перемены как в совершенно новый хозяйственный период, разделяемый сотнями лет. Для такого работника приспособление к новым условиям означает коренную ломку всех старых технических навыков и постепенное приобретение новых. Тут, в человеческом организме, потребность в приобретении новых навыков встречается с совершенно естественным консерватизмом, с инерцией старых приобретенных привычек. Точно так же, как чрезвычайно трудно человеку умирающего периода приспособиться к новому периоду, точно так же, как человек носит в себе и не в состоянии преодолеть предрассудки и верования старых, давно ушедших времен,— так и в техническом отношении человек подвергается влиянию тех же «исторических переживаний» [1]) в приемах и традициях работы.

Эти исторические пережитки характерны отнюдь не только для таких резких примеров, как переход от земледелия к машинной работе в городском хозяйстве. Любой пример: всякое нововведение, как бы оно ничтожно ни было в общем производственном оркестре, должно преодолеть некоторые трения для своего осуществления. Приспособление работника при переходе от ножного токарного станка к станку, приводимому в движение паровой машиной, является тоже не из самых легких. В этом случае некоторая привычка к самостоятельности, к свободе пуска станка в ход и его остановки, полная возможность приостановки работы и возобновления ее в любой момент сталкивается с кажущимся на первый взгляд принуждением, выражающимся в связи станка с трансмиссией, с постоянным заводским жужжанием и с общей атмосферой заводской работы. Более того, применение нового инструмента, лишь немногим отличающегося от ранее употреблявшихся, скажем, применение самозакаливающейся стали, встречается тоже, конечно, не меньшим сопротивлением работников; всякий, работавший на заводах и наблюдавший отношение работников и даже мастеров к новым приемам в работе, может констатировать такие факты. (В скобках скажем, могущественное влияние конкуренции в том и сказывалось, что оно преодолевало этот стихийный консерватизм, выражавшийся в наиболее сильной форме фабрикантами и заводчиками, и заставлял их вводить новые усовершенствования и изобретения). Само собою разумеется, что такой массовый консерватизм отнюдь не означает того, что отдельные работники не могут его преодолеть и выискивать новых способов работы. Под давлением ли экономической необходимости, или вследствие некоторых не исследованных еще прирожденных свойств, такие работники, являясь иной раз вовсе не великими

---

[1]) Термин заимствован у Эд. Тайлора «Антропология».

изобретателями, все же упорно отыскивают новые, наиболее усовершенствованные методы работы и приспособления. Они частью из любви к искусству, частью по другим причинам, вводят постепенно в способы производства те незаметные для постороннего глаза изменения, на которых впоследствии вырастают большие и грандиозные изобретения, вносящие революцию в экономический мир.

«Идеи летят к нам со всех сторон. Из иностранных рабочих поляки кажутся мне наиболее изобретательными. Один из них, не умевший даже говорить по-английски, дал понять, что изнашивание уменьшилось бы, если бы одно приспособление у его машины поставить под другим углом. До сих пор эта часть выдерживала только от четырех до пяти нарезов. Он был прав. Таким образом, было сбережено много денег на отточку. Другой поляк, занятый на сверлильном станке, придумал маленькое приспособление, чтобы сделать излишней окончательную обработку после сверления. Это приспособление было введено всюду и дало большие сбережения. Люди часто пробуют маленькие изобретения на наших машинах, так как обыкновенно, если они сосредоточиваются на определенном деле и обладают талантом, то в конце концов придумывают какое-нибудь улучшение» [1]).

На спинах таких людей, как говорил Ньютон, и взбираются величайшие изобретатели. Благодаря таким, иной раз не весьма значительным, изменениям в технике производства на территории двух государств, разделенных политической границей, можно все же наблюдать довольно резкие изменения в промышленной жизни и в темпе человеческой работы. Так, английские рабочие хлопчато-бумажной и текстильной промышленности, не имея, в общем, значительных технических преимуществ перед своими континентальными собратьями, проявляют сравнительно значительно повышенную интенсивность труда. Наоборот, русский рабочий, несмотря на чрезвычайную выносливость, все же, вследствие сравнительно более низкой выдержки и методичности, сильно отстает в интенсивности своей работы от своего немецкого, английского или американского собрата. Такие градации в приспособляемости работников к новым производствам, начиная от прямого сопротивления через пассивное к активному способствованию, наблюдаются в любом деле, в любом предприятии и в каждом производстве.

Различные отношения работников к новым способам производства играют большую роль в деле их осуществления этих способов и усовершенствований. Управляющие производством органы отчасти стихийно, отчасти сознательно выуживают из всей работающей массы тех лиц, которые способствуют усовершенствован-

[1]) Генри Форд. «Моя жизнь, мои достижения». Изд. «Время». 1924. стр. 144.

ным способам работы. *Происходит отбор руководящего производственным процессом персонала.* Технически-руководящий кадр сам ищет себе преемников. Это ясно было видно во времена капиталистического режима, когда большая масса мелкой технической администрации выходила непосредственно из заводского рабочего коллектива. Она подхватывалась капитализмом в тот самый момент, когда отдельные члены ее, еще будучи в рабочей блузе, делали первые робкие шаги в деле улучшения работы. Но не только капитализм имел эту тенденцию выхватывания отдельных лиц и выдвигания вперед над уровнем всей работающей массы. В ремесленный и доремесленный периоды эта тенденция также проявлялась в полной мере, хотя может быть и не столь отчетливо. Этот кадр лиц, легче приспособившийся к новым условиям производства, выхваченный из рядовой массы щупальцами управляющего механизма, служит для последнего орудием приспособления консервативных и сопротивляющихся новым формам производства элементов. Тут перед нами налицо кадры того самого «промышленного офицерства», благодаря которым широкие массы, являющиеся не столько суб'ектом, сколько об'ектом производства (в капиталистическом режиме) принуждаются к восприятию современной техники.

Эти «промышленные офицеры», инструктирующие работников, и суть то, что называется техническим персоналом современных предприятий. В чем заключается их об'ективная роль? *Они принудительными, поощрительными или педагогическими мероприятиями разбивают старые исторические пережитки в дисциплине труда, уничтожают техническую инертность работника и прививают им все теми же способами, в зависимости от социально-экономического режима, способность к новым приемам работы и новым способам производства.* Структура технического персонала, конкретные формы его работы, способы его воздействия на массу исполнителей чрезвычайно разнообразны. Они изменяются не только в зависимости от исторического периода, но и вследствие технических различий предприятий. В одних случаях рядовой исполнитель - работник инструктируется непосредственно главным руководителем работы; в других случаях между ними находятся значительные промежуточные группы так называемой технической интеллигенции, инструктирующие работников. Внутри самой этой технической интеллигенции имеется несколько взаимно соподчиненных категорий, из которых высшая инструктирует и направляет низшую. Общая цель всех этих групп одна — приспособить техническую и социально-техническую дисциплину работников к условиям производства.

Помимо кадра лиц, инструктирующих работников с точки зрения приспособления последних к техническим условиям произ-

водства и технико-производственным отношениям между собою в предприятиях, существует еще и другой кадр, деятельность которого преследует несколько иную цель. Помимо дисциплины труда, выражающейся в связи непосредственных человеческих усилий в процессе работы, и соподчинения этих усилий усилиям других соработников, от каждого работника требуется также и некоторый своеобразный уклад в его непроизводственной жизни. Не говоря о более отдаленных моментах духовной человеческой жизни, как, например, религия, бытовая сторона человеческой жизни определяется самым непосредственным образом условиями хозяйственной деятельности. Те же наиболее резкие примеры существования земледельца и городского заводского рабочего дают нам ясно отличающийся друг от друга их обще-бытовой колорит. Земледелец, подымающийся с солнцем, связанный в своей работе с погодой, приноравливающий свой отдых ко времени дня и ночи и ко времени года, отличается от рабочего, распределение дневного времени которого рассчитано по часам, соответственно функционирования заводского механизма. Даже в наиболее мелких примерах маленьких передышек во время работы, в жизни рабочего и крестьянина имеются различные картины. Это могут наблюдать все те, кто имел возможность присматриваться к остановкам и отдыхам во время работ рабочих земледельцев и работников завода (отдых, курение, разговоры и т. д.). В жизни работников в различных предприятиях, не столь сильно отличающихся друг от друга, как заводская работа от земледелия, можно найти, в общем, те же картины, хотя и в более смягченном виде. Вследствие этого и выработался своеобразный тип рабочего металлиста с его дисциплинированностью и выдержкой, соразмерностью в движениях и металлическим упорством в достижении цели, с его своеобразным укладом жизни, проникнутым методичностью и хладнокровием и на ряду с ним различные другие типы работников. Теперь можно сказать, что в области своего психического и бытакого уклада человек есть не только то, что он есть, но и то, что он работает. Производственная жизнь, с ее своеобразной технической дисциплиной, охватывающая работника, охватывает его целиком, вырабатывает своеобразные психологические свойства, выковывает из него специфические формы, определяющиеся самим производственным укладом. По мере изменения техники производственного процесса и перехода на иные ступени хозяйственного развития, изменяется сама человеческая личность, приобретая своеобразный, приспособленный к существующим хозяйственным формам облик. Таким образом, производственный процесс в целом с его технической и социально - технической стороны создает на каждой стадии своего развития «специального технического человека», несущего с собой и в себе не только техническую дисциплину, но и определенную обще-бытовую жи-

тейскую дисциплину [1]). *Переход от старой бытовой дисциплины или, как обычно кратко говорят, быта, навеянной изживающимися формами работы, к новой бытовой дисциплине, требующейся для успешного производства при новых меняющихся условиях, является в такой же мере болезнью—скачком, как и переход и изживание старой технической дисциплины.*

Это изменение бытовой дисциплины, ломка личного уклада жизни, приспособление к новым нормам отдыха, к новым видам культурного и эстетического удовлетворения происходит на различных стадиях исторической жизни, то под давлением принудительных обязательств, то под давлением поощрительных мер, в зависимости от характера господствующего в промышленной жизни режима. Выход на работу египетских рабов сопровождается принудительными мерами воздействия, едва отличающимися от способов воздействия на всякую животную нечеловеческую силу. С другой стороны,—приспособление современного работника происходит то под давлением голода, то под влиянием специальных систем заработной платы, в зависимости от складывающейся промышленной ситуации. Но на всех ступенях общественного развития для усвоения этой бытовой дисциплины «работодатели» (феодалы, помещики, капиталисты и т. д.) создают специальный кадр лиц, деятельность которых служит для внедрения ее в сознание и традиции работников. В наше время этот кадр лиц известен под названием *административного персонала предприятий, при чем вследствие специфических технических условий обрабатывающей промышленности он имеет тенденции все более и более сливаться с упомянутым выше техническим персоналом предприятия* (об этом см. подробнее ту же статью тов. Гастева).

Мы имеем теперь более или менее ясную картину того, что можно назвать производственной дисциплиной. Выше была показана об'ективная связь между напряжением работников, с одной стороны, и техническими условиями работы и взаимоотношением людей в процессе самой работы — с другой. Коротко говоря, трудовая дисциплина может быть охарактеризована, как приспособление работника к различным условиям работы, удовлетворение требований, которые эта работа пред'являет для ее успешного выполнения. Чем больше приспособился человек к исполнению этой работы, тем больше он, в процессе ее совершения, приспособил свой физический и интеллектуальный механизм, тем больше он проявил трудовую производственную дисциплину. Но трудовая дисциплина, или, вернее, ее требования, которые пред'яв-

[1]) Связь между техникой производства и изменяющимися нормами отдыха, видами удовлетворения культурных и прочих потребностей показана наиболее рельефно в статье тов. Гастева «Новая индустрия», «Вестн. Металлист.», № 2, январь 1918 г.

ляются работникам в производственном процессе, определяются на различных ступенях общественного развития не только указанными условиями работы. Они определяются также и теми отношениями, которые устанавливаются между различными классами общества и соотношением их сил. Классовая сторона трудовой дисциплины или, вернее, классовый отпечаток на ней не является естественной технической необходимостью, он наносится внешним моментом состязания враждующих на арене жизни сил; его формы определяются их соотношением, изменяясь в смысле смягчения с усилением класса эксплоатируемых, и становясь наиболее жестокими,—с укреплением господствующих классов. Трудящиеся всегда борются против классовых искажений трудовой дисциплины, стараются освободить производственный процесс от ярма, накинутого на него в интересах барыша командующими элементами общества. В процессе этой борьбы, в особенности в те моменты, когда сознание трудящихся еще не оформляется, как сознание классовое, их усилия направляются зачастую одновременно не только против классовых искажений дисциплины, но и против личности эксплоататоров, а также против технических сил, с которыми они оперируют в процессе работы. Ненависть к эксплоататорам, отвращение к эксплоатации переносится на наиболее близкие видимые вещи. Отсюда разгром фабрик и заводов, технического оборудования, поджоги, убийства и т. д.

В чем заключаются задачи революционного класса в области трудовой дисциплины тогда, когда он, становясь у власти, принимает на себя руководство экономической жизнью страны?

Он должен очистить трудовую дисциплину от тех наносных элементов, которые привиты ей в интересах господствующего класса. Его цель сводится к тому, чтобы укоренить в сознании своих членов полную необходимость технической и социально-технической дисциплины, и, с другой стороны, вполне ясно отчеканить в их сознании вред и техническую нецелесообразность классовых форм, внесенных в эту дисциплину только-что свергнутым режимом. В частности,— и задачей пролетариата в наших условиях—является очищение трудовой дисциплины от всего того, что было внесено в угоду интересам предпринимателей, и что фактически задерживало развитие технически - необходимой дисциплины. В наших условиях эта задача должна быть еще более конкретизирована в смысле указания методов, которыми пользуется пролетариат для проведения трудовой дисциплины в своих собственных рядах. Было бы величайшим заблуждением при изыскании методов проведения трудовой дисциплины оперировать с отвлеченными понятиями принудительности, поощрения, экономического давления и т. д. и т. п. Поскольку производственная дисциплина целиком определяется не доброй или злой волей работника,

а совершенно об'ективными условиями производимой им работы, постольку и методы проведения трудовой дисциплины должны быть найдены, как результат тщательного рассмотрения условий этой работы.

Чрезвычайно трудно дать об'единяющую характеристику всем видам труда в современной хозяйственной жизни. В особенности в такой стране, как Россия, где на ряду с более или менее развитой обрабатывающей промышленностью существуют почти первобытные формы земледелия и чуть ли не все промежуточные формы производственной деятельности, — единая техническая характеристика производства не легко может быть найдена. Вследствие этого и методы проведения трудовой дисциплины будут чрезвычайно разнообразны. Здесь эти методы проведения дисциплины будут отличаться друг от друга соответственно той же периодичности, с которой сменяются и виды производства. В тех массовых работах, в которых применяются первичные формы сотрудничества, трудовая дисциплина может оправдывать применение даже принудительных методов. Так, например, работа скопом, групповые работы, в которых от каждого человека требуют более или менее единообразные усилия,— там усвоение трудовой дисциплины может происходить под влиянием самых примитивных педагогических приемов. Работа, выдвинувшая однообразный ритм, привлекшая для своего исполнения десятки или сотни и более того людей, заставляющая применять их усилия, сопряженные со стихийным массовым под'емом, — такая работа может быть успешно выполнена без длительной подготовки работника, почти одним только внешним физическим соединением труда работников. Такая работа не требует специальных сложных волевых усилий отдельного работника. Наоборот, — эти усилия могут с полной достаточностью определяться внешними моментами: криком, сигналом, световым или каким-либо звуковым эффектом,— вообще командой. *Отсюда может стать ясным, при каких условиях и на каких работах могут быть применены целые воинские части.* Вышедшие из различных условий жизни, имеющие различное техническое и социальное прошлое, отдельные лица в трудовых воинских частях могут быть с большим успехом применяемы там, где от них требуются примитивные, общие для всех и однородные напряжения.

Такого рода работа наиболее характерна для отсталых производств, требующих применения ручного труда. Не исчерпывая целиком их перечисления, можно указать только на дровorубные работы, заготовку торфа, сплав леса, погрузку и разгрузку и даже некоторые строительные работы. Приблизительно к этой же категории работ могут быть отнесены и те, в которых с наибольшим успехом можно применять труд субботников. Для послед-

них также наиболее характерным является об'единение больших человеческих масс для проведения общей работы.

Несколько иную картину представляют собою работы, проводимые в современной механизированной обрабатывающей промышленности. Здесь работа каждого лица уже значительно отличается от работ упомянутых выше. Несмотря на автоматизм деятельности машины, на приведение ее в движение внешними усилиями (электромотор, паровая машина и т. д.), деятельность каждого работника индивидуализирована при машинном производстве в гораздо большей мере, нежели на предыдущих ступенях развития производственной деятельности. Конечно, работник производит на заводе только одну небольшую часть какого-то громадного процесса. Он не знаком с фабрикатом, выпускаемым в результате деятельности всего заводского организма; в этом смысле он, действительно, лишь небольшой винтик в большом механизме предприятия. Однако, в работе, которая ему передана, он действует отнюдь не механически: применяемые им усилия гораздо сложнее и многообразнее, нежели усилия его сотоварищей на предыдущих исторических ступенях. В его деле должно принять участие громаднейшее умственное напряжение, и только на некоторых специальных работах это умственное напряжение, благодаря достигнутой автоматизации в работе, заменяется напряжением рефлекторным. Но даже и в этих случаях его деятельность все же не может определяться внешними сигналами командующих лиц. Она определяется самим процессом работы сложной комбинацией управляемых механизмов и инструментов. На работах, при которых применяются автоматические приспособления, движения работника определяются иной раз специальным сигналом, световым или звуковым, *но этот сигнал подается не инструктирующим лицом, а самим механизмом.* Следовательно, во всех случаях работы, где применяется механизм, от работника требуется, прежде всего, громадное напряжение внимания, играющее первостепенную роль в его деятельности и определяющее формы его реакции на движение обрабатываемого предмета и инструмента. А внимание, как известно,—свойство чрезвычайно индивидуализированное. Вследствие этого и *приспособления работника и его трудовая дисциплина в обрабатывающей промышленности могут быть результатом наибольшего выявления его личной инициативы и творческой самодеятельности.* Давно, впрочем, известно, что для обрабатывающей промышленности требуются работники, культурно более развитые, нежели в других менее механизированных отраслях народного хозяйства.

Из этого видно, что в обрабатывающей промышленности самым главным способом проведения трудовой дисциплины должен быть метод, способствующий проявлению личной инициативы и

индивидуального творчества в работе. Такой метод может быть на нынешней стадии развития только методом поощрительным, потому что поощрительный метод рассчитан на воздействие на индивидуальную психику. В противовес принуждению, команде, как об'единяющему целый коллектив методу, поощрение действует на каждого отдельного работника, заставляет его приспособить свои личные наклонности к работе, изучить все детали технического процесса работы и произвести, может быть, даже некоторую ломку в своем укладе жизни. Конечно, и в обрабатывающей промышленности, поскольку она, с течением времени, всасывает в себя все новые и новые элементы из земледелия, из деклассирующихся слоев мелкой буржуазии (а в наше время и экспроприированной крупной буржуазии и дворянства), приспособление этих новых элементов к изменившимся условиям работы может производиться в иных случаях и карательными способами. Это относится, главным образом и почти исключительно, к проведению бытовой дисциплины, а не дисциплины технической, т. е. к прививке упомянутым элементам новых форм уклада жизни, норм отдыха и пр. [1]).

Роль инструктирующего персонала в предприятиях обрабатывающей промышленности вполне совпадает с этими поощрительными методами проведения трудовой дисциплины. Техническое инструктирование сводится не к руководству во время работы, как, например, в случаях массовых работ по заготовке, распиловке леса и т. д., где существуют специальные «десятники», а только к указанию приемов работы. (В предприятиях есть поэтому специальные штаты так называемых указателей). *Техническая администрация, в особенности мелкая, только обучает работе. После указания приемов работы, применение их остается уже за самим исполнителем и зависит от степени его внимания и способностей.* По этим же причинам сводится постепенно на нет и роль чисто административного состава предприятия, который имеет большое значение в период втягивания в заводскую работу сырой, некристаллизованной массы.

Не касаясь подробно вопроса о системах заработных плат, следует вкратце указать, что поощрительная оплата труда распространяется в одинаковой мере как на рабочих исполнителей, так и на административный и технический персонал. По отношению к рабочим она действует в смысле проявления ими наибольшей инициативы и внимания. Чем более успешно развертывается работа, тем больше приходит рабочий к необходимости введения несколько иных, более усовершенствованных, приемов работы, нежели те, которым его обучают. В этом, в сущности, и

[1]) В частности, в наше время наиболее характерным об'ектом принудительных приемов проведения трудовой дисциплины являются прогулы.

состоит процесс личного приспособления к работе [1]). Но, с другой стороны, эти же мелкие усовершенствования в работе составляют основу общего повышения технического уровня человеческих сил. В процессе такого приспособления работники создают, конечно, незаметно новые формы работы; отдельные из них на основании этих новых форм работы приходят к еле-заметным техническим усовершенствованиям инструментов и механизмов, а более талантливые единицы, пользуясь таким массовым опытом, создают уже важнейшие изобретения в технике работы. Здесь влияние поощрительной заработной платы непосредственно перебрасывается от работников - исполнителей на техническую администрацию. Захватывая всю массу технической администрации, поощрение же заставляет их принять участие в общем стихийном вихре изобретений и усовершенствований, при чем высшие звенья администрации уже по самому об'екту своей работы делают усовершенствования, касающиеся всего предприятия или всей группы предприятий, в зависимости от масштаба их работы.

---

[1]) У нас принят термин «приспособление». Орудием такого приспособления является, следуя терминологии Дарвина: «упражнение органов». Гастев вводит для этого же термин: «тренировка».

Совместная работа людей.

Производительность труда есть то количество продукта, которое выпускается работником при данных условиях производства в единицу времени, например в восьмичасовой рабочий день. Одним из главных определяющих моментов производительности труда работника является, конечно, комплекс орудий труда, которыми ему предстоит оперировать. Изменения инструмента или машины, а также замена полуфабриката или сырья — являются решающим моментом продуктивности работника. Весь современный прогресс производства построен был до сих пор на этом усовершенствовании орудий труда и способов производства. На ряду с этим развитием техники орудий производства идет также и усовершенствование самого полуфабриката, сырья или топлива, при чем здесь играет громадную роль замена одних полуфабрикатов другими; тщательная обработка полуфабриката на первичных стадиях его изготовления; изменение способов его приготовления или даже состав. Поэтому, на ряду с технологией орудий труда, охватывающей, главным образом, три стадии применения силы: *обрабатывающий инструмент, передачу и двигатель,* развивается также и технология обрабатываемого материала, в которой выдающееся место занимает теперь—*химия.*

Весь этот процесс усовершенствования производственной техники несет с собой перемену самого темпа работы, которая неизбежно отражается на темпе работы руководящего процессом живого работника. Машина, прежде всего, требует изменения скоростей работающей совместно с ней и управляющей ею животной машины, т. е. человека. На известной стадии развития мертвой машины это развитие темпа движения обслуживающего ее человека переходит из количества в качество. Человек не может по скорости своих движений поспеть за обрабатывающим инструментом, тем более, что этого совершенно не требуется для успеха работы. Ему нужно изменить самую хватку инструмента и изменить не столько количественно, сколько род, или может быть, правильнее сказать, *комплекс своих движений.* Таким образом, машина дисциплинирует движения работника. Конечно, это приспособление движений работника к требованиям машины и постепенное видоизменение комплекса движений—происходит не сразу. Выражаясь житейским языком, *здесь происходит выучка работника.* В некоторых случаях выучка происходит быстрее, в других

медленнее. Помимо машины, здесь играют, ведь, роль также и все предыдущие привычки и способности работника, поскольку они находят себе отражение в его трудовых приемах.

Быть может, некоторым работникам настолько трудно обучиться тем приемам работы, которые требуются новым для него механизмом, что для экономики предприятий совершенно невыгодно тратить время и средства на его обучение. Здесь происходит потеря энергии человеческой машиной не только по причинам физиологического характера. Организм еще не приспособился к автоматизму движений и к последовательности, которая требуется механизмом. В таких случаях обычно прибегают к замене данного работника другим, который, в силу сложного ряда причин, может быстрее приспособиться к данному механизму.

Отсюда и возникает та проблема *отбора работников,* которою заняты в настоящее время промышленные предприятия обрабатывающей индустрии. Научная разработка этой проблемы опирается, с одной стороны, на технические свойства той или иной машины, и, с другой стороны, на физиологические и психологические качества человеческого организма.

В Германии, а затем и в Америке, на основе детального изучения этого вопроса, возникла специальная научная дисциплина— *психо-техника.* Успехи и перспективы этой науки составляют предмет особого изложения и для настоящей темы не представляют интереса.

Поскольку речь идет о повышении продуктивности отдельного работника, нас может интересовать отбор наиболее приспособленных к данной профессии лиц и наиболее быстрое их приспособление к требованиям, пред'являемым темпом работы механизмов. Увеличение производительности труда имеет здесь свой физиологический предел.

В современном предприятии, однако, производственный процесс почти никогда не замыкается трудом одного работника. Основою современного производства является техническое разделение труда в предприятии. Что собою представляет разделение труда в техническом смысле этого слова,—понятно всем. Поэтому здесь не стоит более подробно на нем останавливаться. Весь заводский механизм представляет собой более или менее многочисленную труппу живых машин, разделенных между собой как территориально, так и функционально. Каждый отдельный работник имеет, по большей части, свою собственную задачу. По отношению к нему встают те вопросы повышения продуктивности труда, которые были только что изложены. Соответственно этого и механика повышения продуктивности труда этих работников, взятых порознь, имеет свои специальные задачи, глубоко отличающиеся от механики увеличения производительности предприятия в целом.

В смысле совместной работы людей современный завод принципиально не отличается от мануфактуры XVIII столетия и от всякого совместного труда группы лиц вообще. Некоторые основные законы совместного труда человеческих машин имеют силу как для современного завода, так и для любой другой формы соединенной работы людей. В заводе эти законы усложняются в своем конкретном выражении и поэтому значительно затушевываются. Но в основном —дело происходит и здесь так же, как и в любом другом соединении человеческого труда. Поэтому, изучение совместной работы человеческих машин лучше было бы начинать как раз с наиболее простых и легко поддающихся анализу форм. Разделение труда представляет собой, под этим углом зрения, не что иное, как одну из наиболее совершенных форм соединения труда. Несмотря на крайнее разделение функций в современном заводе, последний в целом представляет собой об'единение работников для одной общей производственной цели. Так и в мануфактуре, из которой современный завод вырос, произошло первое соединение значительной массы человеческих машин для об'единенной трудовой деятельности.

Задача сводится к тому, чтобы эту об'единенную массу человеческих машин превратить в *одну машину*, из многих людей создать *одного коллективного работника,* обладающего большим количеством работающих органов. О том, что экономически об'единение человеческих машин под одною крышею для совместного труда представляет собой громадную выгоду, — известно уже давно. В своем анализе происхождения и развития современной крупной промышленности Маркс дал наиболее детальное описание всех выгод, представляемых мануфактурой и заводом в смысле расхода на средства производства и рабочую силу. В общей формулировке, эти выгоды сводятся к тому, что затраты средств на материалы, орудия производства, топливо, здания и проч. возрастают медленее, нежели продуктивность труда об'единенных рабочих усилий. Стоимость здания для 20-ти работников, работающих под одной крышей, меньше нежели постройка мастерских для двадцати изолированных работников. Расходы на топливо или энергию точно так же меньше при установке общего двигателя, чем для каждого работника в отдельности. Вообще, экономические выгоды соединения людского труда заключаются, главным образом, в относительном уменьшении *постоянного капитала,* приходящегося, в среднем, на одного работника.

Что касается увеличения производительности труда такого соединения работников, то главным фактором его является техническое разделение труда. Поэтому капитализм и пошел по этой линии, как только мануфактура переросла свои собственные рамки.

Остановимся, однако, еще немного над этим вопросом. Итак, производственный процесс совершается группой работников.

Каждый из них представляет собою животную машину. Под этим мы имеем в виду, конечно, исключительно органическую природу механизма, а отнюдь не его моральную оценку. В качестве животной машины человеческий организм принципиально не отличается от всякой другой животной машины. Поэтому здесь уместны некоторые аналогии. Если весь производственный процесс заключается в том, что группа работников выполняет совместно одну и ту же работу, которая требует усилий, превышающую мощность одной человеческой машины, то мы имеем перед собой один из наиболее простых примеров сотрудничества людей. Пусть читатель представит себе группу лиц, например, в пять человек, поворачивающих рукоятку ворота, подымающего воду из колодца. Другой однородный пример: подымание посредством длинной веревки, имеющей несколько концов и перекинутой через блок, какой-либо большой тяжести (работа бабой). Третий пример: бурлаки тащат бичевою судно.

Во всех этих и аналогичных им случаях усилия нескольких человек (для нашего примера—5 человек) направлены к преодолению сопротивления, овеществленного в одном предмете. Принято обычно говорить, что организованное целое больше суммы своих частей. Так и в нашем примере. Пять человек, прилагающие порознь свои силы к рукоятке ворота для поднятия воды, вероятно не достигли бы успеха. Предполагается, конечно, соответствующая значительность груза. Если каждый работник работает по 2 часа, то общая сумма времени работ составляет $5 \times 2 = 10$. Итак, 10 часов работы одного работника и 10 часов совместной работы пяти лиц, прилагающих, в среднем, равновеликие усилия, — неравноценны. В этом смысле организованное целое действительно больше суммы своих частей. Однако, есть и обратная сторона в этом сотрудничестве животных машин.

Две лошади, работающие совместно при передвижении тяжести, дают меньше усилий, нежели арифметическая сумма прилагаемых ими порознь. Конечно, трудовой эффект отдельно работающих лошадей значительно ниже, чем работающих порознь. Это надо понимать так: одна лошадь не утащит груза в 40 пудов, а две этот груз одолеют. Однако, одна лошадь полезно расходует, в среднем, одну лошадиную силу в секунду, но две лошади, работающие совместно, отдают меньше полезной работы, нежели две лошадиных силы. Опыты над совместной работой лошадей показывают следующий результат полезной отдачи энергии при их совместной работе [1]):

[1]) Панаев. «Работа животных и человека». Энциклопедия Русского сельского хозяйства, т. VIII, вып. 1, стр. 60.

Таблица 1.

Производительность совместной работы лошадей:

Количество лошадей	1	2	3	4	5	6	7	8
Производительность	100	98	87	80	73	67	55	49

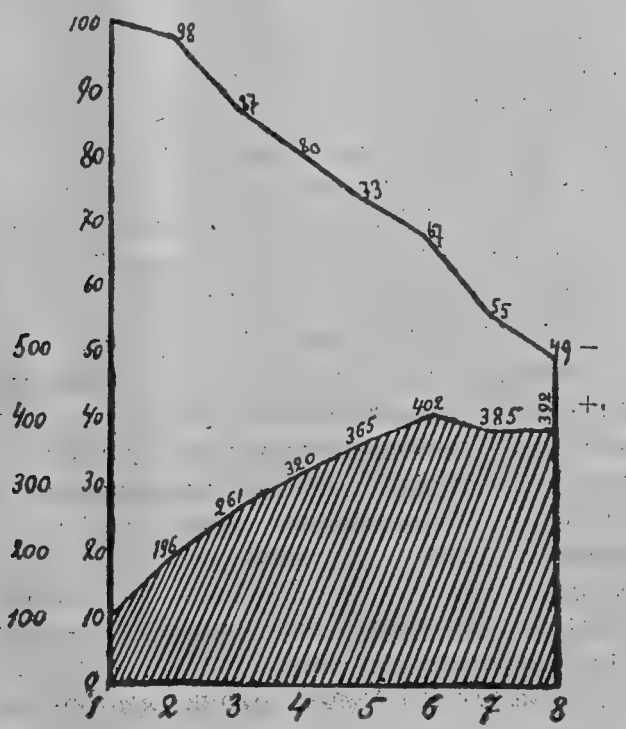
Чем больше лошадей, тем меньше полезный эффект их совместной работы. Потери отданной энергии, как видно из таблицы, достигают громадных размеров. Ту же самую таблицу можно представить и в ином виде, более конкретно рисующем нам возрастание усилий при увеличении количества совместно работающих животных машин.

Таблица 2.

Рост полезной силы при совместной работе лошадей.

Количество лошадей	1	2	3	4	5	6	7	8
Полезная сила	100	196	261	320	365	402	385	392

На прилагаемой диаграмме графически изображены потери энергии и возрастание совокупной мощности работающих животных машин применительно к приведенному примеру.



Чем об'ясняется такое неудобство совместной работы животных машин? Мы нарочно привели пример использования совместной работы лошадей, для того, чтобы наиболее грубо и рельефно оттенить черты, свойственные совместной работе всяких животных

машин. Когда применяется человеческий труд,— потери, вызываемые совместным характером их работы, значительно ниже, чем в случае применения труда лошадей. Причина заключается в том, что, кроме оперативных трудовых движений, совершаемых рабочими органами,— человек, в отличие от лошади, имеет *возможность производить координацию* этих движений с движениями работающих с ним в одной группе работников. Орудием этой социальной координации трудовых движений является мысль, выраженная речью, об'единяющим работу возгласом или другим сигналом.

Для работы животных машин основною причиной, вызывающею упомянутую потерю при совместной работе, является *различие темпа* работающих организмов. Если бы все 8 лошадей обладали бы в точности совпадающим темпом движений; если бы они могли начинать работу абсолютно в один момент, и их движения совпадали бы в периодичности и направлении, то упомянутые потери были бы сведены к нулю. Но на деле этого нет. Каждая лошадь представляет собою самостоятельную машину, имеющую свой собственный темп, т. е. свою собственную периодичность движений. Каждая лошадь имеет, если позволено будет так выразиться, свое собственное время, которое не совпадает с временем работающей рядом с нею другой лошади. Поэтому, когда работают над преодолением тяжести все восемь лошадей вместе, мы имеем случай применения восьми машин, работающих с различным временем, т. е. с различными периодами приложения сил к одному и тому же предмету. Мы могли бы сказать, что здесь применены машины, не работающие синхронно. Отсюда, вместо того, чтобы общая отданная энергия повышалась прямо пропорционально количеству животных машин, она на деле возрастает по некоей кривой, отстающей от возрастания количества животных машин.

Когда применяется человеческий труд, эти потери понижаются методами социальной увязки работающих организмов. В случае с лошадьми мы имеем такое соединение труда, которое в сущности представляет собою действительно механическую сумму усилий всех лошадей. Но разнобой в работе человеческих машин ослабляется взаимной сигнализацией начала работы, ее периодичности и конца. В тех же примерах работы на вороте, бичевой и т. д. работающие машины сами организуют эту сигнализацию, иной раз посредством таких простых и обыденных вещей, к которым привыкли глаз и ухо даже непосвященного наблюдателя. Знаменитая «Дубинушка» волжских бурлаков играла эту организующую роль, она об'единяла ритм или, что то же, темп работающих животных машин. Очевидно, что «Дубинушка», как и целый ряд других рабочих песен имеют преимущественно экономический характер и направлены для уменьшения потери энергии при совместной работе животных машин.

Как ни ясна эта экономическая роль ритма, она совершенно не была понята К. Бюхером, наиболее полно исследовавшим рабочие песни целого ряда народов. Он пишет: «Ритм проистекает из самой органической сущности человека. Он управляет всей деятельностью животного, являясь элементом, регулирующим наиболее экономное израсходование сил. Бегущая лошадь или вьючный верблюд двигаются так же ритмично, как гребущий моряк или кующий кузнец. Ритм пробуждает чувство удовольствия, поэтому он не только облегчает работу, но он доставляет также эстетическое наслаждение и, следовательно, является тем элементом в искусстве, которое воспринимается всеми людьми без различия национальностей и быта. В отдаленные времена детства человечества, благодаря ритму, экономический принцип, заключающийся (по Шефле) в стремлении получить максимум жизни и наслаждения при минимальной затрате жизненных сил, был понят совершенно инстинктивно» [1]).

Совершенно ясно, что дело заключается совсем не в том «максимуме жизни и наслаждения», которые получает работник при распевании песен. На деле мы имеем здесь *коллективную и взаимную сигнализацию периодов работы и движений,* бессознательно проводимую участниками совместной работы. Коллективный работник, образованный из соединения массы отдельных лиц, вырабатывает формы сигнализации своим многочисленным рукам и другим рабочим органам для приведения их во взаимно соразмеренные движения.

Теперь вернемся снова к современному заводу. Перед нами опять тот же коллективный работник, при чем количество участвующих лиц возросло до такого предела, при котором их взаимная сигнализация становится физически невозможной. Взамен этого должен быть введен другой об'ективный способ взаимной координации их работ. Легко показать, что здесь, как и в выше приведенных примерах, основным требованием организации труда вляется уменьшение потерь, вследствие несовпадения темпа работы отдельных участников. Для простоты представим себе два станка, на которых происходит процесс последовательной обработки материала. Если на одном станке первая стадия процесса протекает в течение одного часа, а на другом в течение 50-ти минут, то работник, занятый у второго станка, будет в течение каждого часа терять 10 минут на ожидание работы от своего соседа. Уже в этом случае задача установления синхронности их работ заключается в том, чтобы вся первая стадия процесса работы плюс время, затрачиваемое на транспортировку предмета от первого станка к другому,— равнялась бы в точности времени, которое нужно затра-

[1]) К. Бюхер. «Работа и ритм». Изд. «Новая Москва», 1923, стр. 296

тить для проведения второй стадии процесса. Как только это равенство периодов времени нарушается, общая производительность обоих работников обнаруживает на себе действие закона совместной работы животных машин и пойдет, примерно, по той кривой, которая характерна для совместной работы лошадей.

Движение продуктивности коллективного работника даже в этом простом случае резко отличается от повышения производительности каждого работника в отдельности. В то время как последнее зависит от приспособленности трудовых движений одиночной животной машины к обслуживаемому ею механизму, продуктивность коллективного (в данном случае двойного) работника определяется синхронностью их работы. Вся задача организации труда группы работников сводится к тому, чтобы установить эту синхронность, т. е. последовательность во времени всех процессов производства.

Представим себе, что эта синхронность нарушена. Тогда, как мы видели, рабочий теряет (для нашего примера) 10 минут на каждый час рабочего времени. Это то же самое, как если бы ему приходилось, работая без соседа, терять в течение каждого часа 10 мин. на подготовку материала, установку инструмента и т. п. В работе образуются перерывы, представляющие чистую потерю рабочего времени, а следовательно и полезной энергии. Эти перерывы в работе, между прочим, прекрасно понимал Маркс, когда он производил свой анализ совместной работы людей.

«Переходы от одной операции к другой прерывают течение его (работника. *А. Г.)* труда и образуют, так сказать, поры в его рабочем дне. Эти поры спадаются, если он в течение целого дня непрерывно выполняет одну и ту же операцию, они исчезают в той же мере, в какой уменьшается изменчивость его операций» [1]).

Это прекрасное выражение вряд ли можно чем - либо дополнить. Оно вполне выражает ту мысль, которую мы здесь стараемся показать читателю. Устранение пор в рабочем времени и установление синхронности работ всей массы лиц, составляющих совместно рабочий коллектив предприятия,— это два выражения одного и того же факта.

Как только количество работников предприятия увеличивается, тотчас же усложняются задачи установления синхронности их работ. Теперь дело заключается уже в том, чтобы охватить одним ритмом громадную совокупность работ, производимых в десятках цехов. Поры в рабочем дне отдельного работника слагаются с потерями прочих рабочих предприятия и образуют громадную величину, влекущую вниз кривую производительности рабочего коллектива.

---

[1]) К. Маркс. «Капитал», I, стр. 330. Госиздат. Москва, 1920 г.

Само собою разумеется, что чем глубже внедрилось техническое разделение труда, тем меньше влияния может оказать на эти потери каждый отдельный работник. Темп заводской работы определяется в этом случае последовательностью во времени и скоростями работающих машин. Ритм отдельного работника приспособляется к ритму машин и в силу вступают те законы отбора и выучки рабочих, о которых упоминалось выше.

Но если перерывы в работе происходят не по причинам несовершенств работника, то, во всяком случае, остается задача взаимной последовательности работ действующих механизмов. В приведенном выше примере совместной работы двух станков—потеря одной шестой рабочего часа может произойти и вследствие различного ритма работы действующих станков. Поэтому здесь должна быть установлена известная *пропорциональность количества работающих механизмов* так, чтобы каждый механизм отдавал бы в последующую фазу производства именно такое количество полуфабриката, какое необходимо для полного использования всего рабочего времени. Конечно, вместе с этой пропорциональностью количества механизмов, обслуживающих различные стадии обработки предмета, встает и вопрос установления соответствующих *штатов* занятых в производстве рабочих, как по количеству, так и по роду их работы.

Из сказанного видно, что заводский организм представляет собою живой процесс, отдельные элементы которого должны быть согласованы друг с другом во временной последовательности. В тех случаях, когда, как, например, на заводе Форда, окончательный выход продукта фиксируется точно во времени, эта последовательность отдельных элементов заводского процесса выступает с наибольшей рельефностью. Но даже и тогда, когда одновременно завод выпускает из нескольких машин группу однородных продуктов, наш последовательный процесс разбивается как бы на несколько параллельных ветвей, которые должны проходить на равном расстоянии друг от друга, сходясь лишь у начального и конечного пунктов процесса. Чем менее механизировано производство, тем менее ясно выявлена эта последовательность элементов заводского процесса; тем больше расплывается этот процесс по различным пространственным и временным точкам заводской жизни.

Мы можем себе представить завод, как часть громадного народно-хозяйственного организма. Тогда еще более ясно выступает динамичность производственного процесса в предприятии. Завод как бы представляет собою отрезок большого хозяйственного процесса, фиксированный в нашем внимании между двух узлов, открывающих и замыкающих выпуск продукта. Снаружи, благодаря мерам по снабжению завода полуфабрикатами, сырьем, топливом и вспомогательными веществами, в завод вливается известное коли-

чество материалов, являющихся элементами производственного процесса и в то же время его об'екта. Само собою разумеется, что этот момент вливания материалов в заводскую жизнь сам является лишь заключительным звеном длинной цепи фактов, протекающих за пределами заводских стен. С другой стороны, выпуском готового продукта открывается новый ряд фактов, составляющих новую цепь хозяйственного процесса, опять-таки протекающего вне завода, и причудливым образом способствующего восстановлению процесса производства.

Отрезок громадного динамического процесса, именуемого народным хозяйством, и замыкающийся в пределах завода, невольно напоминает собою трубу, которую мы наблюдаем между двумя пунктами (флянцами) и через которую пропускается под известным напором вода. Напор воды в известный момент своего течения то ослабляется, то усиливается. Вследствие этого в соответствующих пунктах трубы должно быть в наличности расширение или уменьшение площади ее поперечного сечения. Представим себе теперь, что изменения в поперечном сечении трубы не соответствуют динамике напора воды. Ясно, что вследствие этого в известные моменты должно произойти скопление воды в том или ином пункте, в котором площадь сечения ниже, нежели это требуется напором. Причиною этого может оказаться катастрофа на предыдущих стадиях движения воды. Обратно — человек, которому поручено регулировать напор воды, вследствие ли халатности, или по другим причинам, упустил из виду необходимые мероприятия. Опять-таки налицо несоответствие между площадью сечения трубопровода и сечением надвигающейся водяной струи.

Вся трудность управления заключается именно в том, что директор завода должен охватить своим умственным взором все те изменения в производственном процессе, которые зависят от тысяч, хотя и известных, но разнообразных причин. Так как в живом заводском деле многообразие причин, влияющих на поступательный процесс производства бесконечно отлично от факторов, определяющих собою напор воды в упомянутом для примера трубопроводе, то комбинации этих причин, конечно, едва-едва доступны средних способностей уму. Дело осложняется еще тем, что одним из главнейших элементов производственного процесса являются живые люди, синхронность работ которых представляет собою самую трудную задачу. Теоретически говоря, отрезок хозяйственного процесса, воплощенный в заводскую жизнь, вероятно может быть выражен каким-либо интегралом. Однако, составные части интеграла настолько сложны и столь мало поддаются учету, что нет никакой надежды на то, чтобы можно было его найти для современного, еще не в достаточной мере механизированного завода.

Вследствие этого, главным свойством директора должно быть умение схватывать отдельные детали процесса как бы интуицией. Когда говорят, что «управлять—значит предвидеть», то под этим и нужно понимать только то, что управляющий заводом обязан чувствовать как бы подсознательно ту математическую формулу—интеграл—производственного процесса, которая не поддается алгебраическому выражению.

В железнодорожном деле мы имеем примеры такого хозяйства, которое как будто бы поддается аналитическому выражению. Речь идет о графиках движения поездов. Однако, все знают, каких громадных трудностей стоит выработка таких графиков. Во всяком случае, тут не обойдешься элементарной математикой.

В заводе эти трудности усложняются именно вследствие недостаточной механизации производства. Быть может выработать график движения продуктов во времени и в пространстве для завода Форда не представляет таких трудностей, как хотя бы для «лошади» российского завода. Эти трудности отчасти компенсируются тем, что главное управляющее заводом лицо—директор— набирает себе целый штат помощников, которые призваны наблюдать за правильностью прохождения производственного процесса на отдельных узлах заводского целого. Весь динамический процесс как-бы разбивается на части; в отдельных частях его устанавливаются наблюдатели, которые должны сигнализировать вверх директору завода те или иные изменения в процессе. То, что не может быть выражено формулой, усваивается живыми людьми. Это облегчает задачу директора завода, но вместе с тем и уменьшает точность работы заводского механизма. Теперь задача усложнена уже тем, что, помимо главного руководителя завода, на отдельных участках последнего действует группа помощников. Мы уже видели, что когда работает совместно несколько человеческих машин, продуктивность их труда относительно уменьшается. Здесь же мы имеем именно такой случай совместной работы группы машин,— в данном случае помощников директора. Этим лицам приходится интуитивно схватывать темп работы подчиненных им исполнителей. Им же приходится согласовывать темп работы подведомственных им участков друг с другом. Конечно, вследствие этого получается громадная потеря энергии в их совместной работе, а следовательно и в совместной работе отдельных частей заводского механизма.

Чем сложнее работа завода, тем больше потери, происходящие вследствие совместной деятельности этого кадра, инструктирующих заводскую массу исполнителей, лиц. Для того, чтобы эти потери ослабить, принимается ряд дополнительных мер, создаются специальные отделы по учету произведенной работы и проч. На основе этих мероприятий вырастает специальная отрасль знания, излагающая способы управления. Вся в целом она сводится именно к

тому, чтобы найти наивыгоднейшие способы устранения того разнобоя в темпе заводской работы, о котором упоминалось выше, и для максимального приближения этого темпа к типу вполне синхронной машины. Этот тип машины в применении к заводскому механизму является идеалом, к которому управление стремится, но которого оно, вероятно, никогда не сможет в совершенстве достигнуть.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

От автора. 3

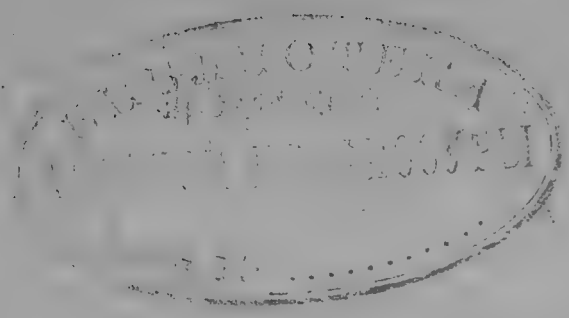
I. Социальная обстановка.

Сроки истории. (Вместо введения). 7

1. Экономическая характеристика момента. . . . 9
2. Сроки в проблеме увеличения продукции. . . 13
3. Социальные элементы организации труда. . . . 21
4. НОТ в современности 30

II. Союзы и производство.

1. Союзы за истекший период НЭП. 43
2. Стадии в переходном периоде 45
3. Противоречия в развитии производительности труда. 47
4. Профсоюзы на предприятии 51
5. Рабочая масса и красный директор. 55

III. Теоретические заметки.

Наука о труде. 61
Рабочее время в проблеме производительности труда. 67
Дисциплина труда. 83
Совместная работа людей. 99